

ISSN 0023-219X

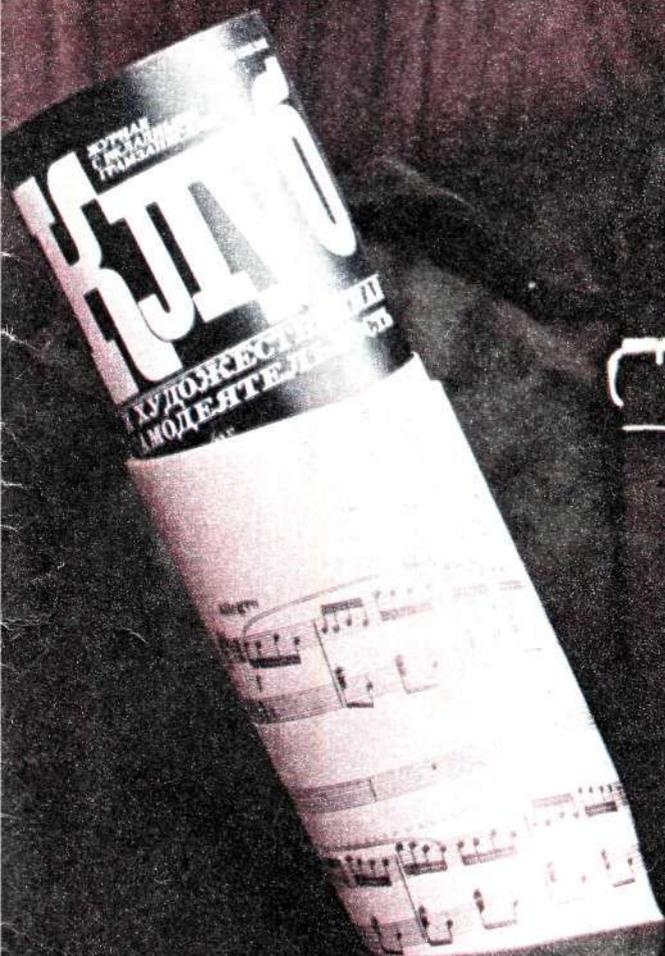
ЖУРНАЛ
С ВКЛАДНЫМИ
ГРАМЗАПИСЯМИ

Клуб

15 АВГУСТ
1979

И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Клуб 15

И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Общественно-
политический
и научно-
методический
журнал ВЦСПС
и Министерства
культуры СССР

(526)
АВГУСТ
1979

Год издания
двадцать
девятый
Выходит
два раза
в месяц

НА ВКЛАДНЫХ ПЛАСТИНКАХ НОМЕРА

Первая и вторая стороны первой пластинки:
«Праздник Урожая»

ПРАЗДНИК УРОЖАЯ

Хлебную страду, горячую пору уборки урожая часто сравнивают с фронтом. Это и в самом деле фронт: с передовой и надежными тылами, с азартом яростного наступления, радостью победы, ради которой отданы все силы и сделано, казалось бы, больше, чем в силах человеческих. Недаром передовиков битвы за урожай называют гвардейцами, и недаром конец уборочной страды венчает прекрасный праздник победителей — праздник Урожая.

«Есть хлеб — будет и песня... Не зря так говорится, — писал в своей книге «Целина» Леонид Ильич Брежнев. — Хлеб всегда был важнейшим продуктом, мерилом всех ценностей. И в наш век великих научно-технических достижений он составляет первооснову жизни народов. Люди вырвались в космос, покоряют реки, моря, океаны, добывают нефть и газ в глубинах земли, овладели энергией атома, а хлеб остается хлебом».

Издревле сложилась эта традиция. В каждой республике, области, районе праздник Урожая сверкает своими красками, отличается своими особыми, неповторимыми чертами, но суть праздника всюду одна — герои его те, кто хорошо потрудились, кто отдал земле все, на что был способен. А такие люди есть в каждом нашем колхозе и совхозе, в каждом механизированном отряде, полеводческой бригаде, звене. И конечно же, на нашей пластинке не могли прозвучать голоса всех передовиков — сотен тысяч прекрасных мастеров своего дела, внесших в общесоюзную копилку урожая свой весомый вклад. Но мы уверены, что для каждого из них у клубных работников, организаторов и режиссеров торжественных и радостных урожайных праздников найдутся самые теплые и искренние слова благодарности и признательности.

При проведении праздника вы сможете воспользоваться и звуковым материалом, помещенным на нашей пластинке. Выступления таких известных на всю страну хлеборобов, Героев Социалистического Труда, как Т. И. Барышев, А. М. Кибкало, Н. В. Переверзева, первого секретаря Ипатовского РК КПСС Ставропольского края В. В. Калягина, народной артистки СССР, лауреата Ленинской премии Людмилы Зыкиной, стихи О. Сулейменова, В. Бокова, В. Гундарева, веселая музыка, песни — все это может органично влиться в звуковую канву светлого праздника Урожая.

ГЛАСНОСТЬ ДЕЙСТВИЙ

Ю. БАРАНОВ,
заведующий отделом
пропаганды и агитации
Саратовского обкома КПСС

В 1978 году в Саратове каждый клуб ежедневно посещало в среднем 148 человек. Между тем помещения позволяли принять втрое больше. Называю эти цифры не для того, чтобы сделать категорический вывод — скверно, мол, работаете, товарищи культпросветчики. В деятельности наших клубов немало положительного, а посещаемость их даже выше средней по стране.

И все же приведенная цифра заставляет серьезно задуматься. Она говорит о том, что существующая база культурно-просветительной работы, опыт и знания клубных специалистов и актива используются в целом еще далеко не эффективно. На этот недостаток самое серьезное внимание обращено в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы». В нем, в частности, говорится, что все имеющееся в стране культурно-просветительные учреждения, независимо от их ведомственной принадлежности, необходимо использовать с максимальной отдачей.

Разумеется, речь идет не о том, чтобы просто «любой ценой» наполнить клубные залы, например, с помощью чисто развлекательных мероприятий, кассовых фильмов и т. п. Высокая посещаемость не самоцель. Она может считаться показателем эффективного использования очагов культуры только в том случае, если является следствием неустанного совершенствования всей деятельности клуба. Качество его идейно-воспитательной работы должно отвечать возросшему образовательному и культурному уровню, запросам советских людей, учитывать динамичность социально-экономических процессов и духовной жизни современного советского общества. Именно таково главное требование постановления Центрального Комитета ко всей идеологической работе, и клубной в том числе. Именно такой «максимальной отдачей» партия ждет от культпросветучреждений. Ответственность за их эффективное использование возложена в постановлении на местные партийные и советские органы. Таким образом, еще больше возрастет роль партийного руководства культпросветработой. Не случайно среди решений Центрального Ко-

митета партии, послуживших основой совершенствования идейного воспитания масс, в постановлении названы директивные документы, непосредственно направленные на улучшение лекционной пропаганды, культурного обслуживания, самостоятельного творчества — всего, что составляет содержание повседневной клубной практики.

Вопросы, связанные с повышением уровня культурно-просветительной работы, постоянно находятся в центре внимания партийной организации нашей области, систематически обсуждаются на бюро обкома КПСС, горкомов и райкомов партии. Особенно обстоятельно и всесторонне эти вопросы были рассмотрены в нынешнем году на собрании областного партийного актива, обсудившего актуальные задачи и пути улучшения культурного обслуживания села и развития народного художественного творчества. Эти задачи были также предметом делового разговора на собраниях партийных активов и пленумах партийных комитетов, которые прошли во всех городах и районах области.

Работа, ведущаяся на основе принятых решений, приносит свои плоды. Вместе с тем постановление ЦК КПСС по идеологическим вопросам обязывает нас намного строже отнестись к оценке сделанного. В свете тех высоких требований, которые постановление предъявляет к дальнейшему совершенствованию политико-воспитательной деятельности, в партийном руководстве культпросветработой на первый план выдвигаются проблемы ее идейного содержания, повышения ее реальных воспитательных результатов.

Партийная организация нашей области располагает определенным опытом использования клубов в своей идеологической, политико-воспитательной деятельности. На этот опыт мы опираемся, определяя место и роль клубных учреждений в перспективных и годовых планах коммунистического воспитания трудящихся, направленных на реализацию постановления ЦК КПСС. При этом из всего многообразия клубной работы представляется важным выделить, прежде всего, те ее стороны, в которых наибо-

лее полно и непосредственно проявляется функция клуба как учреждения именно идеологического.

Наш опыт подсказывает, что клуб в этом плане обладает большими резервами, которые часто недооцениваются и далеко еще не раскрылись до конца. Несомненно, очень важны, а нередко и незаменимы в воспитательной работе специфические возможности торжественных клубных мероприятий, в яркой театрализованной форме раскрывающих величие наших всенародных праздников, высокий нравственный облик людей труда. Достойное место в идеологической работе занимает просветительная деятельность клубов — лектории, тематические вечера, другие мероприятия, насыщенные актуальным политическим содержанием, разъясняющие слушателям политику нашей партии и государства, сущность советского образа жизни, международные события. Но клуб — не просто театрально-торжественный зал и лекторий, а еще и место встреч, деловых разговоров о волнующих людей вопросах. Именно эти возможности клуба — организатора общения между людьми — могут и должны быть использованы в идеологической работе значительно эффективнее. На одной из ее форм, очень перспективной в этом плане, мне и хотелось бы остановиться подробнее.

Важный источник силы нашего строя — в активности масс. Центральный Комитет подчеркивает, что прямой ущерб активности трудящихся наносит недостаток гласности в общественных делах, и выдвигает в качестве важнейшей задачи пропаганды необходимость всемерно расширять информированность населения по широкому кругу интересующих его проблем, оперативно реагировать на возникающие в жизни вопросы и открыто ставить их на обсуждение. Как эффективное средство решения этой задачи ЦК КПСС одобрил практику проведения единых политдней с участием руководящих партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и хозяйственных кадров. В нашей области эта форма общения и укрепления связей руководителей с массами вошла в традицию под названием дней деловых встреч. На

некоторых предприятиях, во многих колхозах и совхозах непосредственное участие в организации таких встреч принимают и клубные работники. Но сначала несколько слов о сущности самого мероприятия.

При партийных комитетах, от обкома КПСС до парткомов крупных первичных организаций, у нас созданы группы докладчиков, состоящие из ответственных партийных работников. Кроме того, парткомы создают информационные группы, в которые могут также входить руководители местных учреждений и служб, ответственные за решение различных социально-бытовых и хозяйственных вопросов. Ежемесячно по определенным дням участники этих групп выступают в трудовых коллективах перед населением микрорайонов. Местом встреч служат городские и сельские клубы, Дома и Дворцы культуры, цехи предприятий агитплощадки, красные уголки и т. п. Примерную тематику бесед обком партии планирует исходя из насущных задач, стоящих перед трудящимися области, но тематика может быть в широких пределах уточнена и дополнена, если этого требуют конкретные условия встречи, интересы данного коллектива, запросы населения. Сами же беседы от обычных докладов отличаются, во-первых, тем, что непременно содержат обстоятельную информацию по различным проблемам местной жизни, во-вторых, самим характером общения выступающего с аудиторией: особое внимание уделяется тому, чтобы обогащение информацией было не односторонним, а взаимным. Вопросы и предложения слушателей позволяют выступающим лучше узнать положение дел на местах, интересы и нужды населения, заставляют глубже вникнуть в причины тех или иных недостатков, побуждают принимать нужные меры оперативней и энергичнее.

Хорошо налаженная организация дней деловых встреч (например, на саратовском 3-м Государственном подшипниковом заводе, на заводах авиационном, нефтеперерабатывающем им. С. М. Кирова и других) выглядит так. Партком предприятия разрабатывает годовой график и доводит его до сведения всего коллектива, так что и выступающие и слушатели на год вперед знают, где, когда и с кем они встретятся. В группы выступающих входят все руководящие работники завода, от директора и секретаря парткома до начальников цехов и руководителей служб. Каждый из них, кроме путевки, в которой указано время и место встречи, получает подробный справочный материал по теме беседы. Вопросы слушателей могут быть собраны заранее, но чаще возникают в ходе самой встречи, а затем, вместе с замечаниями и предложениями, фиксируются в специальном журнале, обсуждаются на заседаниях парткома, вносятся в планы заводских мероприятий для воплощения в жизнь. На последующих встречах обязательно сообщается о принятых мерах.

Деловые встречи собирают большую и, как правило, очень активную аудиторию. Ежемесячно в этот день более 8 тысяч руководящих работников области встречаются примерно с 600 тысячами трудящихся. В прошлом году только в самом Саратове докладчикам пришлось отвечать на 62 тысячи вопросов, было высказано 10 тысяч предложений и критических замечаний, из которых

многие приняты, а часть уже воплощена в жизнь.

Вопросы — самые разные, самые насущные, но преобладают в основном две темы — трудовые заботы и условия жизни людей. Чтобы дать представление о содержании и практической эффективности таких бесед, приведу лишь один пример. В течение года в Энгельском районе на бюро райкома партии и в райисполкоме по итогам дней деловых встреч рассмотрены и сейчас решаются вопросы: о предоставлении трудящихся по экономии и бережливости, о реконструкции поливных земель в совхозе «Подстепное», о газификации жилых домов села Широкополье, о строительстве шоссе от автостреды до совхоза № 93, о нехватке ряда товаров в магазинах райпо, о кинообслуживании населения и т. д. Собранных криво интересуют состояние и перспективы развития производства, жилищного строительства, народного образования, здравоохранения, торговли, транспорта, сферы обслуживания. Они получают ясное, основанное на конкретных данных, представление о том, что делается и что следует делать для успешного решения очередных задач социально-экономического и культурного строительства. Беседы помогают на близких, понятных фактах увидеть зависимость роста наших возможностей от трудового вклада каждого работника и коллектива. Откровенность разговора, прямая, а нередко и заостренная постановка вопросов становятся для руководителей строгой и требовательной школой ответственности перед людьми. Выступающие говорят (да и по своему опыту я это знаю), что с таких бесед нередко «уходишь мокрым», «становишься злее в работе». Главное же — встречи укрепляют атмосферу товарищеского сотрудничества, взаимного доверия, чувство общности решаемых задач.

Могут спросить: а какова же тут роль клуба? Часто считают, что они всего лишь предоставляют помещение для встречи, вешают афиши, объявления. Велика ли забота? Велика. И достаточно ответственно. Начать с того, что дни деловых встреч, естественно, учитываются теперь в планировании клубной работы. И нередко именно в клуб обращаются, чтобы узнать, когда и кто приедет в следующий раз. Ведь именно здесь, в объявлении на рекламном щите, люди прочтут фамилии ответственных работников, входящих в информационную группу, и кто о чем будет рассказывать. Именно здесь можно написать и опустить в специально приготовленный ящик свои предложения и вопросы к тем, кто приедет. Культпросветчики, таким образом, становятся как бы посредниками между аудиторией и выступающими. Да и сам факт, что именно клуб является местом беседы, не может не влиять на отношение к нему. В глазах людей клуб и его работники неизбежно отождествляются с организаторами встречи и делат с ними ответственность за все, что говорится на ней и делается после нее.

И, наконец, самое главное. Клубный работник, особенно на селе, тесно связан со многими людьми, с активом, хорошо знает, кто чем живет, кого что волнует. Почти все сельские и многие городские культпросветчики у нас являются политинформаторами. В последние годы парторганизации колхозов и совхозов стали создавать, нередко на

базе сельских клубов и Домов культуры, кабинеты политического просвещения, которые ведут среди трудящихся большую информационную и разъяснительную работу. Все это существенно повышает авторитет и влияние клубных специалистов и актива именно как идеологических работников.

И совершенно естественно поэтому, что их участие в проведении дней деловых встреч часто уже не ограничивается посреднической ролью. Они сами активно включаются в разговор, многое подсказывают организаторам встреч, особенно в тех вопросах, которые касаются культуры, духовных запросов населения. Им приходится высказывать претензии и в свой адрес, строго оценивать под требовательным взглядом аудитории собственные клубные дела. Так, в Аткарском районе на деловых встречах говорили, что во многих клубах почти не бывает лекций на международные, юридические, медицинские темы. Теперь в селах Озерное, Песчанки, Лопуховка, Земляные Хутора, где были высказаны эти претензии, регулярно бывают лекторы общества «Знание». В Краснокутском районе в совхозе «Ждановский» начато, а в совхозе «Лепехинский» уже закончено строительство сельских клубов. Это — тоже результат деловых встреч рабочих с руководителями.

...Мост через реку Хорошавку, построенный за один месяц в колхозе им. А. А. Жданова, новый магазин и семь отремонтированных телевизоров в селе Колышлей, гараж для горэлектросети в Аткарске, шоссе до райцентра, два магазина, детский комбинат и пять жилых домов в селе Первомайское... Во всем этом и еще многом, очень многом, что было сделано в результате деловых встреч, есть своя, пускай и скромная, доля усилий клубных работников.

Любопытно отметить, что дни деловых встреч заставили решительно отказаться от формулы — «после доклада концерт и танцы». Сам характер их не допускает применения искусственных методов «сколачивания» аудитории. В клуб или красный уголок никого специально не заывают, а тем более не заставляют приходиться. Людей должно привлекать только одно — возможность всерьез поговорить о деле, о том, что их волнует. Здесь не ставится задача во что бы то ни стало «обеспечить массовость». Пусть будет меньше народу, но важно, чтобы люди почувствовали: это не их «вызвали» к руководителю, а он сам пришел к ним. (Кстати, именно по этой причине в крупных городских Домах и Дворцах культуры дни деловых встреч устраиваются сравнительно редко — здесь в большой аудитории как-то и труднее говорить; в городе местом встреч служат, главным образом, цехи и красные уголки предприятий, агитплощадки микрорайонов.)

Но такой характер встречи, когда «явка обязательна» только для руководителя, вовсе не исключает подготовительной работы с аудиторией. Напротив, такая работа становится сложнее, требует совсем других методов, чем, скажем, подготовка обычного собрания. Вопросы, как правило, не заставляют себя ждать, особенно в цехах предприятий, но иногда приходится преодолевать пассивность аудитории, как это бывает в микрорайонах, где на агитплощадку, в летний театр или красный уголок ЖЭКа приходят люди, не всегда хорошо знаю-

щие друг друга, не привыкшие говорить публично. Особой заботы требуют встречи с различными категориями населения — с рабочей молодежью, учащимися, пенсионерами, с работниками детских садов и школ, медицинских учреждений и т. д. В любом случае особенности различных групп трудящихся приходится тщательно учитывать. И, конечно, очень важно заранее настроить людей на активное участие в разговоре, вызвать «огонь на себя». Для этого участники информационных групп часто приезжают в тот или иной коллектив задолго до встречи, чтобы на месте познакомиться с положением дел (но, конечно, ни в коем случае не для того, чтобы заранее «подготовить выступающих»).

У клубов есть свой опыт активизации аудитории, подготовки вечеров, основанных на неформальном общении между людьми, опыт работы с различными категориями населения. Думаю, организаторам дней деловых встреч небесполезно было бы присмотреться, например, к тому, как в городе Энгельсе во Дворце культуры «Дружба» объединяются «Химволокно» готовятся и проходят заседания клубов «Патриот», «Фронтовые подруги», вечера, организуемые по типу телепередач «От всей души», встречи наставников с молодежью. Здесь умеют создать атмосферу доверительности, непринужденности, незаметно «разговорить» человека, тактично направлять ход беседы. Педагогические принципы и навыки работы со взрослой аудиторией, накопленные лучшими клубными специалистами, могли бы, думаю, весьма пригодиться тем, кто выходит перед сотнями внимательных глаз говорить о вопросах, волнующих собравшихся в зале. Я уж не говорю о том, что и для самих клубников дни деловых встреч, их атмосфера, пропагандистский опыт выступающих весьма и весьма поучительны. Есть у нас и место, где можно перенять этот опыт — семинар для культпросветработников, постоянно действующий при обкоме КПСС.

Деловые встречи должны способствовать повышению активности населения, преодолению индифферентного отношения к общественным делам. Иногда это оказывается сложной задачей. Партком и общественные организации Саратовского завода электроагрегатного машиностроения совместно со своим Дворцом культуры «Россия» готовили день деловых встреч, который должен был состояться в летнем театре Дворца. На афишах было объявлено, что речь пойдет о плане социального развития коллектива и что для беседы с собравшимися придут заместитель директора завода по бытовым вопросам, председатель завкома, другие товарищи. Напишите, о чем вы хотели бы их спросить, предлагали афиши. Но к началу встречи ни в партийный комитет, ни в завком, ни во Дворец культуры ни одного вопроса не поступило.

Почему же никто не откликнулся на приглашение задать вопросы заранее? Видимо, потому, что приглашение было сделано в слишком общей форме. Уже само оповещение о встрече должно нести в себе содержательную информацию, например, о том, как продвигается на заводе очередь на жилье, какие магазины будут открыты в новостройках, или о том, что в прошлом году в заводском микрорайоне ликвидирован по-

следний барак, или о том, как будет проходить праздник поселка, посвященный Международному году ребенка. Афиша должна вызывать вопросы самим своим содержанием и как бы обещать, что за ее лаконичными сведениями откроется богатая, жизненно важная для всех информация.

Наконец, у самих активистов Дворца культуры «Россия», у тех, кто живет его интересами, насколько я знаю, есть и свои вопросы к районным руководителям, например, о превращении кафе «Арфа», находящегося в здании Дворца, в подлинно клубный центр, способствующий воспитанию культуры застолья и общения. Да и мало ли найдется проблем, крупных и мелких, которые препятствуют развитию культурной жизни коллектива и о которых стоило бы поговорить на днях деловых встреч!

Клубные учреждения, их правления и советы, культкомиссии завкомов, культторги и весь примыкающий к ним широкий актив энтузиастов культуры, увлеченных, творческих людей — такая эта большая общественная сила! Она должна стать полноправным и авторитетным выразителем общественного мнения в вопросах культурного строительства. Между тем именно эти вопросы на днях деловых встреч занимают самое скромное место.

Постановление ЦК КПСС по идеологическим вопросам требует от каждого руководителя, каким бы конкретным участком работы он ни занимался, выступать пропагандистом и проводником идей ленинской партии, умелым и чутким воспитателем масс. Следуя мудрому ленинскому завету, партия постоянно напоминает, что нет ничего более пагубного для руководителя, чем оторваться от массы, уверовать в свою непогрешимость, перестать прислушиваться к мнению коллектива. Простота, доступность, нетерпимость к любым проявлениям «комчванства» в себе и других, умение не подчеркивать своего особого положения — эти черты должны воспитываться в себе каждый, кому доверены судьбы людей.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на то на что. Есть в общении руководителя с коллективом одна важная сторона, о которой, к сожалению, мы часто забываем. Я имею в виду обычные, неслужебные отношения между начальником и подчиненными, их общение после работы. Если такого общения нет или оно всегда остается таким же служебным, как во время рабочего дня, то руководитель во многом лишает себя подлинно товарищеских, человеческих контактов с людьми, их доверительного к себе отношения. И, наоборот, так называемые неформальные контакты в свободное время существенно помогают сблизиться, узнать друг друга, устранить дистанцию, которая неизбежна в рабочие часы. Разумеется, неслужебные отношения только тогда укрепляют связь руководителя с коллективом, если они этически безупречны, принципиальны и содержательны, основаны на серьезных интересах, уважении друг к другу.

Местом таких контактов часто становятся клубы. На селе, как правило, руководители хозяйства, парторг, председатель сельсовета — постоянные гости клуба, не только в президиуме, но и в зале, как зрители, а иногда и на сцене, как участники самодеятельности. У нас

в области, например, шесть партийных секретарей, председателей, директоров хозяйств поют в сельских хоровых коллективах. Конечно, было бы нелепо ставить вопрос о широком привлечении руководителей в самодеятельность. Все-таки главное для них — интересы хозяйства, и об этих-то интересах в свободное время, в клубной обстановке — главный их разговор. К тому же на селе, где все друг друга знают, руководитель всегда у всех на виду, и во время работы и после. Тесные отношения складываются здесь сами собой.

Иное дело в городе, где люди, вместе работающие, в свободное время, как правило, разобщены. Казалось бы, именно тут надо бы почаще навещать на клубные встречи, вечера бригад, цехов, весьма способствующие сближению людей между собой, в том числе руководителей с коллективом. И такие мероприятия проводятся, но, к сожалению, на них редко бывают именно те, кому это особенно нужно и полезно, — директора, начальники цехов, руководители общественных организаций предприятия или района. Даже работники райкомов комсомола в таком сугубо молодежном учреждении, как клуб, появляются преимущественно в президиуме. Разумеется, речь не о том, чтобы заставить кого-то непременно посещать клубы. Я просто хочу напомнить, что общее веселье, интересный разговор, — естественная человеческая потребность, и не надо лишать себя возможности удовлетворять ее без стеснения. Думаю, что после этого и в день деловых встреч разговор пойдет немножко иначе.

Формы использования клубов в идеологической, политико-воспитательной работе парторганизаций многогранны. Ее задачам, в сущности, подчинена вся клубная деятельность. Я поделился ображениями лишь об одной из таких форм, которая представляется очень перспективной и плодотворной как для решения общих задач идейно-политического воспитания, так и для самого клуба. Участие в проведении единых политдней, одобренных постановлением Центрального Комитета партии, должно стать для всех работников идеологического фронта, и клубных в том числе, хорошей политической школой общения с массами, существенно поднять их ответственность за эффективность и качество своей работы.

Вместе с тем, усиление партийного руководства культурно-просветительной деятельностью предполагает, что и сами партийные комитеты городов и районов, промышленных и сельскохозяйственных предприятий, а также советские, профсоюзные, комсомольские органы несут все возрастающую ответственность за то, чтобы с максимальной отдачей использовали все очаги культуры. Мы не можем ограничиваться тем, чтобы в общей форме выдвигать перед клубными учреждениями те или иные задачи. Чтобы умело направлять их работу, необходимо знание ее специфики и возможностей, понимание всей важности культурно-просветительных методов в идейном воспитании трудящихся. Именно из этого мы исходим, отводя учреждениям культуры достойное место при разработке конкретных мер, направленных на претворение в жизнь постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

приметы дома твоего

Т. ДЖУРАЕВ,

директор Дворца культуры
им. Ю. А. Гагарина
Ташкентского
текстильного комбината

Мне хотелось бы, чтобы заголовок этих заметок был понят буквально, так как речь здесь пойдет именно об индивидуальных приметах, особенностях, которые отличают или — по крайней мере — должны отличать один клуб от другого.

Был я недавно в одном из областных центров нашей республики и увидел такую картину: стоят рядом два Дворца культуры, построены оба по типовым проектам, их художники-оформители, не полагаясь на собственную фантазию довольствовались типовыми же эскизами и рекомендациями, а руководители творческих коллективов по такому же «типовому принципу» построили работу кружков и студий... Ситуация достаточно печальная, и — что и заставляет обратить на это внимание — достаточно типичная.

В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» говорилось о том, что любая творческая организация должна иметь свое «лицо», свой стиль жизни и работы, что это одно из важных условий, при котором можно получить максимальную отдачу от ее деятельности, добиться наибольшего воспитательного эффекта. Напротив, «большим недостатком, существенно снижающим эффективность воздействия воспитательной работы на сознание и чувства людей, являются нередко встречающиеся формализм, склонность к словесной трескотне, всякого рода пропагандистским штампам, серый, «казенный» стиль материалов, многократное механическое повторение общих истин вместо их творческого осмысления, поиска живой и доходчивой формы». Это говорится о работе нашей прессы, но имеет, естественно, прямое отношение и к работе такого идеологического института, как клуб, политико-воспитательные задачи которого во многом совпадают с функциями прессы.

В клуб человек приходит, чтобы отдохнуть, развлечься, увидеть и узнать что-то новое. В этом случае типовая обстановка — самое верное средство отбить у гостя желание снова прийти в твой дом.

Для того же, чтобы гостю захотелось еще и еще перешагнуть порог клуба, необходимо сделать его своим для каждого, кто сюда вошел. А создание «своего клуба» в первую очередь зависит от людей, здесь работающих: от администрации, руководителей кружков, методистов. Ведь если в самом профессиональном коллективе клубных работников установятся отношения взаимопонимания и участия, творческого и заинтересованного подхода к работе, то эти отношения неизбежно «спроецируются» и на посетителей клуба, создадут в клубе теплую, домашнюю обстановку.

Далее. Каждая республика, каждая область, каждый район часто имеют свои обычаи и традиции, которых нигде больше не встретишь. Забывать об этом — значит обеднять свою работу. Да и обряды, рожденные сегодняшним днем, многое потеряют, если они не связаны с национальными традициями. Проводы в Советскую Армию, посвящение в рабочий класс, праздники совершеннолетия... Хорошо провести эти обряды — значит не только решить общие задачи, стоящие перед всеми культурно-просветительными учреждениями страны, но и опять-таки найти свой ключик к людям, свой уровень и тон общения с ними, свою ведущую тему. Если обряды эти проведены по одному и тому же сценарию и в индустриальном городе, и в сельском районе, и в молодом Навои, и, скажем, в древней Хиве, то цель не будет достигнута, ибо разные условия предопределяют и разную форму.

Свой клуб. Он начинается с порога, с открытой настежь двери, с первых же шагов по его холлам и залам, с желания оставаться в нем подольше...

Несомненно, есть Дворцы куда лучше и роскошнее нашего. Но хозяин всегда приглашает гостя посетить собственный дом. Поэтому и я хочу сегодня рассказать вам о нашем Дворце — одном из старейших в городе и республике, поделиться собственным опытом.

Итак, войдем во Дворец, побродим по его длинным широким коридорам, посидим в уютных холлах, обставленных мебелью в национальном стиле, полюбуемся на стены, отделанные мрамором, украшенные тонкой, ажурной резьбой по гипсу — так узбекские мастера украшали лучшие здания сотни лет назад, задержимся на несколько минут у огромных чеканных панно, на них — сюжеты из древних народных легенд, воспевающих силу и отвагу наших богатейших палванов...

В наш Дворец приезжают старики из далеких кишлаков, и я вижу, как одобрительно качают они головами, как теплеют их глаза, когда они входят в здание. К нам приходят совсем молодые люди, и я вижу, какое благотворное воздействие на художественный вкус молодежи оказывает знакомство с традициями искусства их дедов и прадедов.

У нас часто бывают гости из других республик, и я вижу, как национальное искусство, представленное в интерьере клуба, способствует общению, контактам, взаимопониманию, осмыслению общих тенденций развития искусства и культуры всей нашей многонациональной страны.

Да, я уверен, что художники-оформители сумели найти для интерьера Дворца оптимальное решение. Но — оптимальное только в этом конкретном слу-

чае. Та же тема хлопка в национальном орнаменте, знакомая и понятная в Узбекистане всем с детства, в Эстонии, например, была бы надуманной и случайной. А в клубах текстильщиков Иванова, с которыми у нас давние и крепкие связи, ничто не заменило бы отделку яркими, пестрыми ситцами, прославившими край...

Но продолжим экскурсию по нашему Дворцу культуры, и мы непременно попадем на репетицию или выступление какого-либо из наших самодеятельных коллективов. Это вполне понятно — нет клуба без самодеятельности. Но ведь творческое лицо клуба, его самобытность во многом складывается из творческих портретов отдельных коллективов. Если каждый коллектив сумеет найти свой неповторимый почерк, то это и будет клубной «изюминкой», индивидуальным штрихом в общем облике клуба и в совокупности с рядом других факторов будет «работать» на его оригинальность, непохожесть. Об этом будут говорить: «Такое — только у них. Это обязательно стоит посмотреть, больше такого вы нигде не увидите».

Наша гордость — народный ансамбль узбекского танца. Созданный в 1955 году, он объехал с гастрольями всю страну, выступал перед делегатами партийных съездов и международных форумов, был победителем многих конкурсов и фестивалей, удостоен премии Ленинского комсомола Узбекской ССР, почетных грамот Верховного Совета республики. Мастерству участников ансамбля рукоплескали жители Софии, Варшавы, Берлина, Осло...

Боле 20 лет руководит ансамблем народная артистка УзССР Маргарита Бахлуловна Акилова, собравшая и возродившая полузабытые национальные узбекские танцы. Танец «Кичкинаджон» — «Самый маленький», «Беш карсак» — танец клоунов, «Шодиена» — весенний танец цветов, бухарские и хорезмские танцы...

Не случайно ансамбль в республике называют «школой Акиловой»: она дает танцорам высокое профессиональное мастерство, культуру исполнения, умение работать над программой с полной отдачей. И те из воспитанников Акиловой, которые сейчас выступают на «настоящей» сцене — а таких немало — по-прежнему часто приходят на репетиции ансамбля, ждут совета Маргариты Бахлуловны, помощи от своей наставницы. Короче, ансамбль — это дружная семья. В ней — тот самый микроклимат радушия, доброжелательности, истинного товарищества, который можно только пожелать любому коллективу. Отсюда и успехи ансамбля.

Два года назад в венгерском городе Сегеде проходил международный фестиваль народных танцев. По условиям

конкурса требовалось в короткой двадцатипятиминутной программе показать всю историю танца своей страны или республики, историю от минувших веков и до наших дней. В фестивале участвовали сильнейшие коллективы из Болгарии, ГДР, Польши, Бельгии, Румынии, Португалии, Югославии... Высокая честь представлять нашу страну выпала ансамблю народного танца Дворца культуры Ташкентского текстильного комбината.

Мы показали «Фольклорную сюиту» и, по единодушному мнению жюри, сумели языком танца рассказать не только о национальной хореографии, но и об истории и жизни своей солнечной республики. Венгерские зрители, незнакомые до этого с искусством Узбекистана, аплодировали, не жалея ладоней... Домой, в Ташкент, наши артисты привезли Золотую туфельку — главный приз Сегедского фестиваля.

Повторяю: жюри покорило не только исполнительское мастерство, хотя оно и было безупречным. Жюри и зрители увидели самобытную программу.

Мы стараемся, чтобы самобытное творческое лицо обрели и другие наши коллективы.

Много лет работает при Дворце детский ансамбль народных инструментов. Практика убедила меня, что любовь к народной музыке живет в сердце у каждого, она неистребима, и современное увлечение ВИА отнюдь не мешает этой любви. Желающих заниматься в ансамбле не меньше, чем поклонников эстрады и джаза. Аккорды электрогитары, как оказалось, могут мирно сосуществовать с песнями рубака и дутара, гиджака и дойры. А чего стоят рассказы руководителя ансамбля, замечательного педагога, музыковеда и композитора Вокиля Абдулвахобовича Вахабова об этой музыке, об ее истории — эти лекции собирают не меньше слушателей, и пожилых и молодых, чем иной концерт!

Гостей Дворца мы стараемся познакомиться с национальным музыкальным искусством, показать его неразрывную связь с искусством братских республик. Песни разных народов, переработанные Вахабовым для узбекских инструментов, нравятся всем.

Театральный коллектив Дворца за годы своего существования показал зрителям более двадцати спектаклей. В репертуаре — и произведения классиков узбекской и русской драматургии, и пьесы современных драматургов. Труппа постоянно выступает на площадках городских и сельских клубов, на полевых станциях колхозов и совхозов области.

В программе еще одного нашего народного коллектива — театра художественного слова — произведения А. Пушкина и А. Навои, Н. Гоголя и Хамзы, М. Горького и Р. Фархади, Р. Гамзатова и Зулфия, Э. Межелайтиса и Мирмухсина, Р. Рождественского и Э. Вахидова...

В этом репертуаре отражены и жизнь страны, и день сегодняшний республики, и многонациональная культура нашей Родины. И правы, трижды правы старики, когда они говорят: «Думая о сегодняшнем дне, не забывай дня минувшего. Вспыхивая свое поле, не забывай оглянуться на поле, вспаханное твоим другом. Минувший день учит день сегодняшний, друзья учат друг друга»...

Участники театральных коллективов нередко проводят свои занятия в залах музеев, картинных галерей, в библиоте-

ках. Да и в поездках по республике самодеятельные артисты узнают немало интересных деталей, помогающих им лучше понять, четче увидеть, наглядней и правдивее передать зрителю жизнь республики.

Нужно сказать особо и о нашей изостудии, которой тоже присвоено почетное звание народного коллектива. Существует студия уже двадцать восьмой год, и все эти годы бесменно руководит ею, учит, организует выставки и обсуждения Яков Львович Фрумгарц.

В студии — и опытные художники, и совсем маленькие ребята, которые еще только делают в искусстве первые робкие шаги. И так же, как и в ансамбле народного танца, в изостудии — свои традиции, такая же хорошая дружба между старшими и младшими студийцами. Даже дни рождения отмечаются здесь всеми вместе, всегда устраивается маленькая выставка юбиляра, коллеги дарят ему на память свои работы...

Во всех жанрах изобразительного искусства — в живописи и чеканке, резьбе по дереву и керамике, графике и скульптуре — очевидна тяга студийцев к темам и манере исполнения, которые родились здесь, в Узбекистане. Вот только несколько изделий художников студии: ярко расписанные блюда и пиалы, резные деревянные панно с классическими орнаментами (в каждом орнаменте — сюжет той или иной легенды), керамические статуэтки, изображающие крестьян, пастухов, сборщиков винограда, наполненные светом и солнцем акварельные пейзажи Ташкента и Бухары, Хивы и Самарканда... А рядом — скульптурные портреты героев войны и труда, пейзажи России и Молдавии, Туркмении и Украины... Фрумгарц считает, что художник без широкого кругозора состояться не может, и что поездки по стране для него нужны так же, как краски и холсты.

Еще одна «изюминка» изостудии, являющаяся предметом ее особой гордости — офортный кабинет. Во Дворцах культуры страны их практически нет, и Фрумгарц списывается с руководителями студий других городов и республик, делится опытом, советует, рекомендует, и одновременно пытается узнать о всем лучшем, что есть у его адресатов...

В последнее время во многих Дворцах появились любительские киностудии. Есть такая киностудия и у нас. Лучшая ее работа — кинофильм «Подари мне огонь», удостоенная Диплома Всесоюзного конкурса. Зрители Москвы, Ленинграда, Киева с интересом узнали о том, как пекут замечательные узбекские лепешки, без которых в Узбекистане никто не сядет за стол, о мастерах-тандырщиках, изготавливающих особые печи для этих лепешек — ведь всего десять человек в Ташкенте владеют этим древним и, к великому сожалению, исчезающим сейчас ремеслом... А в творческих планах студии — целая серия кинолент о красивейших уголках Советского Узбекистана, о его сегодняшней жизни, о его мастерах и ремеслах, об обычаях и обрядах.

Кстати, поговорим подробнее об обрядах. Я знаю, например, что в Саратовской области интересно проводят праздник иманаречения: родителей поздравляют девочки-веснянки, белые «аисты» держат колыбельку с малышом, родителям надевают венки из ромашек... Прекрасные обычаи, но — рожденные на

Саратовской земле и по праву принадлежащие ей одной. Думаю, что есть свои, пришедшие из древности обряды и во всех других областях, краях. Не всегда только вспоминают о них культурработники. Да и мы к пониманию того, что вспоминать о таких вещах необходимо почаще, пришли лишь недавно.

И вот в наших планах — осуществим их чуть позже, когда Дворец будет реконструирован, станет просторней — возрождение (на современной основе, естественно) старинного праздника «Бешиктой», посвященного рождению и иманаречению ребенка. Для этого праздника мастер делает специальную многоцветную колыбель, символизирующую яркую, счастливую жизнь, седебородые аксакалы говорят речи, родителям дарят подарки.

Еще одна традиция, существующая в Узбекистане: мужчина, уезжающий из дома, увозит с собой лепешку, испеченную матерью. Эту лепешку он должен сохранить в пути, она будет ему напоминанием о доме, о Родине. Скромная символика. Но западает этот обычай в сердце куда глубже, чем сотни громких фраз. Каждый призывник вместе с материнским напутствием получает от матери на глазах у друзей лепешку, завернутую в кусок материи... Так старые красивые обычаи помогают обычаям новым органичной, легче вписаться в жизнь...

Мечтаем мы проводить и национальные свадьбы, хотим почаще видеть женихов и невест не в стандартной, просто красивой одежде, а в народных свадебных нарядах. Думаю, что праздник от этого только выиграет.

Участок же сада перед Дворцом отдаем под чайхану, которая сможет стать настоящим клубом интересных встреч. Такая чайхана — уверен — легко выдержит конкуренцию с любым молодежным кафе... (Знаю, что подобные клубы-чайханы уже есть в нашей республике, мы будем не первые, но хорошая идея всегда достойна подражания).

И, наконец, несколько слов о празднике урожая «Хосил байрами», ибо без рассказа об этом празднике представление о нашем Дворце будет неполным. Праздник этот мы проводим совместно с колхозниками подшефного Чиназского района.

Рано утром длинные трубы — карнаи возвещают городу об открытии праздника. На украшенную гирляндами площадь перед Дворцом, переполненную горожанами и сельскими труженниками, торжественно въезжает обоз — грузовые машины, кузова которых доверху наполнены источающими аромат дынями, гигантскими арбузами, прозрачными гроздьями винограда, пурпурно-красными сочными помидорами...

И целый день, до позднего вечера — концерты, игры, чествования тех, кто вложил в этот урожай свой труд.

Такие праздники остаются в памяти надолго, и нам, организовавшим их, всегда приятно слышать, как жители города делятся впечатлениями от «Дня урожая», от интересных встреч этого дня...

Итак, приметы дома твоего... Я перечитываю написанное и вижу, как много еще нужно сделать, чтобы приметы эти стали еще более зримыми, еще более осязаемыми. Но мне кажется, что самое главное — найти и воплотить то основное, благодаря чему клуб станет для каждого своим домом.

Ташкент

ДАЛЕКОЕ-БЛИЗКОЕ

«ПО-УДАРНИЦКИ СМОТРЕТЬ ВСЮДУ...»

Е. МАРИНИЧЕВА,
журналистка

„Чем дальше отходят в прошлое годы первых пятилеток, тем величественнее предстает перед нами это трудное, но славное время... Наши первые пятилетки были настоящими сражениями за социализм“.

Л. И. Брежнев

Бывают годы, когда время, повинуюсь энергии, воле и желанию людей, начинает стремительно набирать скорость. Неделя как день, год как месяц. И какие же удивительные события тогда происходят, какими невероятными кажутся они тем, кто смотрит на них сквозь годы и столетия.

...Весна 1929-го запоздала. Середина апреля, а в столице снег. Снежная тишина укрыла улицы, площади. Время будто остановилось. Но так только казалось. То тут, то там вспыхивали, разгораясь все ярче и ярче, огоньки народной инициативы, слившиеся в невиданный в истории человечества праздник свободного и творческого труда масс. В стране зарождалось социальное явление — сознательное, организованное трудовое творчество народа — социалистическое соревнование.

Да, весна 29-го запоздала, нарушая установленные природой законы. Зато все сильнее ощущалось дыхание новой эпохи — весны человечества, — рожденной в революционных деяниях рабочекрестьянского государства.

В Москве обсуждался грандиозный план, призванный дать времени небывалое ускорение, — план первой пятилетки. На карте Советского Союза были обозначены гиганты будущего: Днепротэкс, Магнитка, Кузбасс... Скептики на Западе пожимали плечами, бросая в адрес большевистской пятилетки слова «утопия», «фантазия», а ветры, иногда налетавшие с юга, приносили запахи трав и цветов, и люди молодой Страны Советов знали, что весна все-таки начнется, и еще знали, что время все равно сдвинется, помчится, зарохочет, повинуюсь лозунгу эпохи «Время, вперед!»

«Мы все преисполнены подъема и мужества для разрешения колоссальных задач пятилетки, — скажет на 14-м Всероссийском съезде Советов нарком просвещения Луначарский. — Скептикам и нытикам, которые не верят, что мы справимся с задачами пятилетки, мы говорим: вы недооцениваете энергии пролетариата, вы недооцениваете творческих сил освободившихся и пробудившихся народов... От лица культурных работников нашей страны я даю твердое обещание: мы все наши силы отдадим на то, чтобы выполнить те задачи, которые возложены на наши плечи пятилетним планом.»

И время, набирая скорость, мчалось вперед. Переполненные поезда уносили молодежь на комсомольские ударные. Разбивались первые палатки. Республика, засучив рукава, строилась. Переходя на рельсы индустриализации, она наново строила свой пролетарский дом и человека, который по высшей справедливости на земле стал в нем хозяином. По всей стране торжествовала прекрасная «клубная» идея — идея единения людей: если работать — так дружно, если петь — так хором, если веселиться — так вместе. «Считаем себя мобилизованными на борьбу за промфинплан», — объявили клубные работники весной 29-го. А это значило — быть причастными ко всему, что происходит в стране. Из чувства причастности рождалась уверенность, что именно каждому принадлежит решающая роль в успехе пятилетки. Рабочий, подвозящий цемент на стройку, был уверен: если я задержусь хоть на минуту — не выполнить нам пятилетку. Рабфактовец, с остервенением студировующий конспекты лекций, знал: судьба промфинплана зависит от его усердия. И какой

дотошный историк рискнет сказать, что кто-то из них был неправ!

Нравные со всеми строителями пятилетки клубники чувствовали свою ответственность за успех огромной страны-стройки. С той, правда, лишь разницей, что своим участком борьбы за пятилетку они считали все: клубы брались за организацию общественных яслей и налаживание быта в домах-коммунах, постановку самодеятельных пьес на злобу дня и шефство над совхозами, разведение кроликов и агитацию за новую метрическую систему. Хоровые кружки отправлялись в вагоны поездов — устраивать массовое пение, агитбригады выступали в магазинах, в столовых, на улицах, изокружковцы писали на дорогах лозунги и призывы. (Зимой в Перми они набрали в большие чайники краски и выливали ее на тротуары, выписывая агитслова.) Вот полушутливый-полусерьезный портрет клубного работника тех лет, который мы нашли в журнале «Рабочий клуб»: «Волосы всклокочены. Движения быстры и нервные. Говорит открыто. Всегда окружен толпой людей. Спорит, призывает, уговаривает. Кто этот беспокойный тип? Председатель правления клуба, или организатор организаторов.»

На земле бушевала весна Республики Советов. В стране происходили колоссальные перемены. Строились не только заводы и электростанции. Строились новые отношения между людьми. «Первая пятилетка явилась символом революционного преобразования действительности», — будет сказано полвека спустя в постановлении ЦК КПСС «О пятидесятилетии первой пятилетки». Культработники в жгучем желании быстрее приблизить «полдень коммуны» надеялись «революционно преобразовать действительность» с помощью своих, клубных форм. Страна призывала: объединяйте усилия на борьбу за пятилетку. Клубники предложили... петь. Ведь что может объединить лучше массовой песни? — удивлялись они простоте открытия. Торопили поэтов и композиторов: «Дашь массовую песню!» Пели в клубах, на улицах, в парках, в домах-коммунах. Распространили инструкторию, как петь хором в несколько сот человек:

«Песня или частушка пишется на большом плакате печатными буквами величиной в 3—4 вершка каждая буква. Плакат, как карта, свертывается в трубку и при использовании или вывешивается на шесте или просто развертывается двумя человеками по мере пропевания одного четверостишия за другим». Хоровой кружок одного из московских клубов пошел по вагонам поезда Москва — Орехово-Зуево в часы, когда ехали домой рабочие-железнодорожники. Разучили песни. И помчался по Подмосковию поющий поезд. И, наконец, на музыкальной олимпиаде в Ленинграде «Производственную песню» исполнил хор в 2 000 человек вместе с 70 000 слушателей, «втягиваемыми в активное участие через поднятие плаката», — как писали газеты тех лет. «Пели так: каждая строфа песни заканчивалась общим выкриком одного слова, которое подавалось зрителю на отдельном плакате, поднимавшемся для каждой строфы с вышки, и подхватывалось всей массой слушателей по призывному указанию дирижера хора.»

Время несло вперед. Стремительно обновлялось оборудование заводов. Рабочие часто плохо знали, как обращать-

ся с новыми станками и машинами. Ведь с образованием все еще было туго: даже в годы пятилетки среди рабочих оставалось 50 процентов неграмотных. «Дашь технически грамотного рабочего!» — бросили лозунг клубники и решили... играть. Играли в «технический бой», в «техническую викторину». Вот как проходила «война», объявленная клубом типографии «Красный печатник» соседней типографии им. Ленина. Сначала послали ноту-вызов: «Учитывая превалирующее значение знания техники производства в деле поднятия трудовой сознательности, снижения себестоимости и, главное, повышения качества продукции, мы объявляем вам войну и предлагаем устроить технический бой на лучшее знание теории и практики нашего производства. Для установления времени и места боя высылайте своего уполномоченного». Типографию объявили на осадном положении, всех инженеров — мобилизованными в распоряжение клуба. Каждый вечер после работы шла подготовка к бою: студировали учебники, готовили «снаряды» — вопросы. А потом был бой: обе команды сели за стол. По очереди задавали друг другу вопросы. Каждый вопрос — выстрел. Тот, кто не ответит или ответит неправильно, — убит, кто ответит плохо — ранен, кто ответит верно — остается в строю.

Самые разные формы, дающие возможность вести массовое (!) производственное просвещение, использовались в те годы клубники: кружки производственного просвещения, научные и экономические секции, секции самоучек-изобретателей, кружки «по поднятию квалификации и изучению техники».

Москва, клуб Старо-Павловской фабрики: «Кружком проработано около 20 вопросов по улучшению производства, которые переданы производственной комиссии и ею приняты». Рабочие клубы внедряли у себя опыт ленинградских коллег, которые «приступили в организационном и плановом порядке к обучению и повышению производственно-технических знаний 10 тысяч ударников».

Производственная работа клубов была тогда очень ответственным участком хозяйственного строительства, суть которого работница «Трехгорки» выразила в этих вот словах: «По-ударники смотрят всюду». Поздняя, которая с тех времен стала определяющим началом человека новой социальной формации.

Но больше всего мечты о «революционном преобразовании действительности» клубники связывали с театром малых форм. «Живые газеты», «Синие блузы», «игроплакаты» тех лет через десятилетия обновленными возродятся в современных молодежных театрах-клубах (вспомним хотя бы нынешнюю ленинградскую «Субботу», о которой мы не раз рассказывали на страницах журнала). В те годы клубный театр уверенно вмешивался во все события дня. А призван он был сделать еще больше (во всяком случае, об этом горячо мечтали клубники) — ни много ни мало — помочь переделать жизнь. Театр — агитатор, организатор, театр не действия, а воздействия, как говорил о клубном театре Маяковский, определяя его задачи. Темы для выступлений брались из жизни конкретных заводов и фабрик. Высмеивали прогульщиков, агитировали за пятилетку, за чистоту в домах-коммунах и т. д.

Дни с лихорадочной быстротой сменяли друг друга.

Некогда было заботиться о художественном уровне пьес. Их писали часто наспех, «спасая» тему агиткулетами, танцами, выступали, как правило, прямо в цехах, в обеденный перерыв. «Театральный реквизит» умещался в обычных узлах. Как писал журнал «Синяя блуза», «трамвайным кондукторам приходилось иногда ссаживать с подножек бойких парней с огромными палками и узлами, содержимое коих, вывалившись на мостовую, являло собой странный винегрет из потертого шапокляка, двух красных флажков, обрывка материи с кооперативным лозунгом, сломанной свистульки». Декораций чаще всего вообще не было или же такие — мобильные и простые: люди, одетые в мешки с прорезями для глаз (с одной стороны мешки раскрашивались). Эти «декорации» легко перебегали с места на место, а по необходимости и сами включались в действие. Однажды у агитбригады, выступавшей на колхозном поле, был такой «раздвижной занавес» — воз с сеном, который при желании «открывал» и «закрывал» площадку, на которой выступали артисты.

В клубном спектакле было все: пение, стихи, физкультурные танцы. «За почтой, в бараке репетировала труппа самодеятельного молодежного театра малых форм «Темпы», — писал Валентин Катаев в повести «Время, вперед!» — Барак дрожал... Внутри топали ноги, пыхла бабояная одышка баянов, по сияющему потолку летали тени, отрывисто кричали хором, пели».

Вот как проходило выступление агитбригады клуба завода «Серп и молот» под названием «Соревнуемся кто с кем может» — сатира на собрания, где берутся безответственные обязательства и делаются легкомысленные вызовы на соревнование.

Семь исполнителей сидят на стульях. Первый слегка выступает вперед, развешивает плакат: «Агитбригада клуба им. Астахова». Сейчас же «ухарски начинают играть «Яблочко». Все с криками «ура» перестраиваются, два стула отставляются назад, и два участника с детскими бубнами влезают на них и садятся на спинки, один остается посередине — пишет, двое по бокам садятся верхом на стулья в профиль к зрителю. В паузах между предложениями двое с бубнами «уракают», средний — пишет, двое по бокам приплясывают.

Предложения:

— Взять шефство над Наркомземом («Ура!»)

— Взять шефство над Колхозцентром («Ура!»).

И т. д.

Все кричат ура, целуются со слезами радости. Выходит фотограф (в руках дырявый валенок): «Сделайте соцсоревновательное лицо!» За сценой хлопает пугач, от валенка отваливается пятак. Все семеро поворачиваются спиной, с бравадными песнями уходят «колоннами». На спинах написано «ЗАНАВЕС».

Бывали и такие выступления: заходит в цех парень, говорит, что пришел на работу, расхваливает себя. Вдруг один из рабочих узнает его, разоблачает перед товарищами как летуна. Парня осуждают, над ним смеются. А потом выясняется, что и этот парень, и разоблачивший его рабочий — участники агитбригады.

Клубники Госбанка по всей Москве рассыпали цепь своих выступлений. В трамваях, на вокзалах, в магазинах разыгрывалась одна и та же сценка. У женщины пропали деньги, она в отчаянии, просит помочь. Громко жалеет, что не успела сдать их в сберкассу. Собирается толпа. Наконец деньги найдены. Женщина, вытирая слезы, всех спрашивает, где ближайшая сберкасса. И только потом оказывается, что все это было клубным представлением.

И не столь важно, что далеко не безупречны были пьесы клубной самостоятельности (ведь писались они в один день и для одного дня), и невысок уровень тех многочисленных массовых песен, написанных срочно, наспех с однообразными припевками-выкриками: «Раз! Сильно! Даешь!» Энтузиазм, задор, энергия их исполнителей по-настоящему воодушевляли людей на борьбу за первый пятилетний план.

Они очень спешили. Время мчалось на предельной скорости, а их мечты и планы обгоняли время. В клубах со всей серьезностью проходили дискуссии: отомрет ли государство во второй пятилетке. «Полдень Коммуны» казался очень близким, решенным делом. Иначе и не могло быть: ведь они были очень молоды все — страна, ее города, ее клубы, ее люди.

Борису Ивановичу Мельникову было тогда 24 года. Он только что кончил заочно институт политпросветработы, работал на заводе «Каучук», участвовал в заводской самодеятельности. В 29-м его вызвали на заседание парткома завода. Сказали: «Принимай руководство клубом».

— Я от неожиданности будто говорить разучился, — вспоминает он сегодня. — Стою молчу. Ну, как, думаю, справлюсь? Ведь опыта никакого нет. Но времени на раздумья не было. Начал работать. И был я в нашем коллективе едва ли не самый старший. Стали мы материал для «Синей блузы» готовить. Пошли по цехам, в столовую, в санчасть. Несколько заметок из многотиражной газеты «Резинщик» взяли. А потом собрались все вместе, придумали стихи, куплеты, танцы. В обеденные перерывы выступали. Начинать обычно я или Алеша Колотнев — был он тогда начальником 8-го цеха — и танцуем, и поем, и маршируем, и на балалайках себе подыгрываем. Между прочим, народный артист СССР Анатолий Папанов из нашей, заводской самодеятельности вышел, слесарем тогда у нас работал. Доставила наша кри-

тика многим немало горьких минут. Рабочие смеялись. Просили новые программы.

Еще помню, устроили в клубном саду вечер промфинплана. Разбили сад на части: аллея ударников, аллея брака, аллея прорывов и т. д. Придумали игру — «промфинплановскую» викторину. Когда набиралось много вопросов, на которые рабочие не могли ответить, рупор объявлял: «На нашем участке тревожно». Подходили специалисты, инженеры, объясняли непонятное.

Любили выходные вместе проводить. Летом закупали трамвай (туда вся молодежь заводская набивалась) и выезжали на нем за город. Там разобьем лагерь, устроим концерт (обычно на клубном грузовике выступали). Потом соревнования спортивные, перетягивание каната, костры, песни, разговоры душевные о настоящем, о будущем. Любили загадывать, каким будет завтра, как наши дети жить станут: у меня в первой пятилетке сын родился.

... Над Днепром вставала дуга Днепрогэса, новоселы Кузнецка въезжали в первые дома, а всесоюзная стройка продолжала набирать темпы. Новые задачи вставали перед страной, на новые трудовые подвиги шли ее строители.

Многие клубные формы работы тех времен, а главное сами клубники, внесли ощутимый вклад в «революционное преобразование действительности». Они словом и делом участвовали в формировании нового человека, «по-ударнички смотревшего всюду», они помогали строить новое пролетарское государство, его нравственные устои, его быт, его культуру. И сегодня, спустя полвека, нынешние культпросветчики, ведущие бои за выполнение программы десятой пятилетки, заглядывают в прошлое, чтобы посоветоваться с давними своими предшественниками, на основе их опыта вести нынешнюю культурно-просветительную работу. Истина ведь не только в том, что без прошлого не было бы настоящего, но и в том, что оно, это прошлое, есть половина нас самих. Оно есть основа нашего продвижения вперед.

... В 32-м была сдана первая очередь Днепрогэса. Рабочие «Ростсельмаша» на заводском дворе встречали на ура 1700-й комбайн. Теперь уже мало что решался кричать в адрес первой пятилетки: «утопия», «фантазия». «Утопический» пятилетний план был выполнен в четыре года. А в Амстердаме в 1931 году состоялся международный конгресс по вопросам планирования. В его повестке был пункт: опыт плановой работы в СССР.

... Прошли годы. Время высветило успехи и достижения, находки и погрешности клубной работы тех лет, расставило акценты. Поседали синемблужники и живгазетчики, разъехались из домов-коммун по благоустроенным квартирам. Но иногда ранние южные ветры, пробивающиеся сквозь зимние вьюги, приносят им вместе с запахом цветов и трав песни и стихи их молодости, которая совпала с молодостью страны — временем великих надежд и больших свершений.

«Товарищи клубники-культурники!..

Наши ряды юны,

Мы,

наверно, войдем

В самый

полдень

Коммуны...»

ПРОБЛЕМА КРУПНЫМ ПЛАНOM

Н. ГОЛОВКОВА,
наш спец. корр.

Метод ищет

единомышленников

В конце апреля 1978 года газета «Брянский рабочий» отметила в разделе хроники большое событие в жизни СГПТУ № 25: здесь открылся Дом занимательной науки (ДЗН). «Ленточку у входа перерезал заместитель председателя облизполкома С. С. Сысоев», — писала газета, подчеркивая тем самым, что произошло событие совсем не узковедомственной значимости. Так оно, в сущности, и было: чуть больше года существует ДЗН, и за это время здесь побывало около восьми тысяч человек, оставив два пухлых альбома восторженных отзывов. Пятиклассники и доктора наук, инженеры и художники, учителя и руководители солидных учреждений — каждый находил тут что-то для себя. Об этом удивительном Доме и его директоре Николае Курындине писала «Правда», «Учительская газета», «Комсомольская правда». И наш журнал в № 21 за 1978 год опубликовал фоторепортаж, посвященный Курындину. Учитывая огромный интерес посетителей ДЗН, мы решили вновь вернуться к теме, так как метод, которым пользуется педагог Курындина для пробуждения в своих подопечных энергии постижения науки, отвечает высоким требованиям НТР. В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» прямо говорится о том, что забота о повышении общеобразовательного, профессионального и культурного уровня трудящихся не должна спотыкаться о ведомственные барьеры. Дом занимательной науки создан в помощь школе. Однако методика Курындина применима во всех областях культурно-просветительной работы.

...Прочитав о ДЗН все, что было написано в газетах и журналах, я шла к Николаю Тихоновичу заранее готовая неустанно удивляться чудесам науки в его прославленном Доме. И действительно удивилась: во-первых, никакой не Дом, а четыре не слишком просторные комнаты на втором этаже производственных мастерских 25-го СГПТУ, во-вторых, интерьер поражал своей... ненаучностью и незанимательностью. В центре на почетном месте обычное крутящееся кресло, на железной стойке подвешено велосипедное колесо, рядом — пылесос без щеток, явно «бывший в употребле-

нии», на полке мирно соседствуют чугунок и детская игрушка юла. И вот отсюда, если верить альбому с отзывами, не желают уходить «неуправляемые на обычных уроках» пэтэушники, здесь они превращаются в заинтересованных, увлеченных, деятельных исследователей проблем мировой науки...

Подозрение в какой-то чуть ли не мистификации усилилось, когда приехала экскурсия. Курындину позвонили и предупредили, что в ДЗН направили группу восьмиклассников. И через двадцать минут они уже шумно занимали места в «предбаннике», увешанном самодельными плакатами со схемами и загадками. Ребята как ребята — смеялись, трогали все подряд, кто-то из мальчишек уселся в кресло-экспонат — чувствовалось, что они были рады сорваться с уроков хоть в зоопарк. Честно говоря, я испугалась за Курындина. Неужели он всерьез рассчитывает занять их внимание юлой? Но Николай Тихонович как ни в чем не бывало подошел к парню в кресле и, вместо того, чтобы согнать, вручил в руки две гантели и крутанул его:

— Ну-ка расставь руки-ноги. А теперь резко сожмись в комок!

Парень послушно прижал гантели к груди и вдруг завертелся вихрем. Расставил руки — кресло медленно «затормозило». Сразу воцарилась тишина, в которой очень буднично прозвучал голос Курындина: «Перед вами так называемая «скамейка Жуковского». Сейчас... как тебя зовут?.. Коля продемонстрировал вам закон сохранения момента количества движения. Кстати, этот закон используют фигуристы».

Шум возобновился, но в общем галдеже уже прослеживалось вполне научное направление, которым дирижировал Курындина. Вертелось, вставая вертикально, велосипедное колесо, подбрасывалось на доске заведенная юла, демонстрируя непрерывность физических законов. Каждый вроде бы удовлетворял собственный интерес, а над всем этим царил Курындина, и ни одно его слово не пролетало мимо ушей. Николай Тихонович заметил скептическую улыбочку на лице девчонки, судя по всему, она не одобряла суеты одноклассников, находила это ребячеством. Курындина подошел: «Как, по-вашему, что легче — пуд пуха, или пуд железа?» Девчонка скриivilась, мол, не проведешь — «пуды» оди-

наковые. Но объяснение Курындина привлекло внимание всех остальных: «Пуд — всегда пуд — это уровень мышления тургеневской ученой барышни. А девушка космической эры должна помнить и о невесомости. У нее свои законы...»

Внезапно я поймала себя на мысли, что забыла свое первое разочарование потрясающей обыденностью собранных здесь предметов. И даже подержанный пылесос, когда на струе воздуха завис теннисный шарик, предстал весьма совершенным научным прибором, иллюстрирующим законы аэродинамики. Вещи перестали быть самими собой. Каждая из них вознеслась на пьедестал физического таинства. Но это было лишь интригующее начало долгого, несмотря на скромную площадь ДЗН, путешествия в недра науки, где на последних этапах энтузиастов-исследователей ждали такие чудеса, как возможность обмотаться лучом света и познакомиться с голограммой.

— Насчет голограммы мы с ребятами не до конца откровенны, — признался мне потом Николай Тихонович. — Умышленно скрываем такую ее особенность, как повторение объемного изображения в каждом отдельном кусочке пластинки. Боймся: разобьют и унесут осколки.

Впрочем, «осколки» из ДЗН уже унесены. Учениками Курындина создана масса интересных приборов и аппаратов. Казалось бы — вот высшая цель, к которой стремится педагог. Но нет.

— Если два процента из тех ребят, что прошли через ДЗН, посвятив себя науке — слава богу. Не в этом моя задача. Она в том, чтобы девяносто восемь процентов из них ощутили: мир не состоит из расхожих истин и банальностей вроде той, что солнце встает на востоке и садится на западе. Когда вы узнаете, что это происходит только дважды в году, вы становитесь в чем-то равны Ньютону, на голову которого свалилось яблоко. В сущности, я пытаюсь решить те же задачи, что стоят перед любым просветительным учреждением. Но если там читают лекции и показывают фильмы, то у меня ребята постигают всю премудрость в кажущейся обыденности.

Дом занимательной науки возник на базе СГПТУ-25, которое готовит рабочих для Брянского автозавода. Сначала немало было вокруг нового дела скептиков. «Зачем токарям и фрезеровщикам планетарий и чудеса комнаты оптики?» — говорили они. Курындина подержал директор училища Николай Иванович Ивашутин — он был твердо убежден, что современный рабочий должен обладать широким кругозором, любознательностью, в конечном счете высокой культурой. Для этого необходимо разбудить в нем жажду знаний. Пусть он будет увлечен астрономией, литературой, философией — не имеет значения чем именно. Важно, что, кроме чисто профессиональных интересов, у него есть за душой нечто, что заставляет его постоянно совершенствоваться, быть вечно неудовлетворенным достигнутым.

Всего год работал ДЗН в СГПТУ. Но и за этот непродолжительный срок с учениками Ивашутина произошли заметные перемены. Группа мастера производственного обучения П. А. Сякина, та самая, что сотворила планетарий со сложной и объемной механикой звездного неба, на практике в заводских цехах проявила себя одной из лучших.

Казалось бы, какое отношение имеют космические явления к такой земной профессии, как электросварщик? В СГПТУ — самое непосредственное: ребята варили купол звездного неба, попутно изучая многочисленные карты, знакомясь с мифологией названий созвездий.

Таким образом ребята научились не просто технике чистой сварки, одновременно они приобретали массу знаний. Сейчас им понадобился планетарий, и они сделали его. И заодно получили навык проявления инициативы, который в дальнейшем будет развиваться в сфере производства. А все началось с интереса к звездному небу...

Дом занимательной науки — вовсе не факультатив для избранных. Интерес, который он пробуждает в подростках, уравнивает здесь и отличника и двоечника, «одаренного» и «бездарного».

Как-то одна молодая учительница жаловалась Курындину на своих ребят. Ей надо было оставить класс на полчаса, а ребята у нее не из тишайших. Она дала им на это время задание из сборника занимательных задач. Приходит — все корпят над тетрадками, изредка переругиваясь из-за ответов. «Вот им всегда так, — сказала она, резюмируя, — подавай что-нибудь занимательное, а что положено — не хотят!» После этого замечания Николай Тихонович искренне расстроился: «Какая вредная мысль, ведь им как раз и положено занимательное, то, что будит ум и творческую энергию!»

С первых лет работы в школе он почувствовал, где нет интереса, там не может быть ничего кроме равнодушного времяпрепровождения. Дети еще не умеют лицемерить: если им скучно, они читают детектив, стреляют из рогатки, играют в морской бой. «Я физик, я могу предложить им весь мир, — говорит Курындин, — а могу задолбить им в головы формулы, символы, знаки. Но дети не терпят схоластики в науке, и если им скучно, пусть уж лучше играют в морской бой — там тоже надо и знание тактики, и воображение, и азарт победы. Пусть, раз я не умею увлечь их своей наукой, ее чудесами и открытиями! Проблема интереса — это ведь проблема счастья человека».

Последнее утверждение Курындина оказалось мне излишне категоричным. Но Николай Тихонович обратился к примеру. Всего три месяца работает в ДЗН секретарем Люба Минаева. Очень замкнутая, постоянно озабоченная своими делами, она поначалу лишь отвечала на телефонные звонки да печатала на машинке. За эти три месяца Люба превратилась в первоклассного экскурсовода. Астрономия стала ее страстью, из ее лекций в маленьком планетарии Дома занимательной науки сам Курындин узнает теперь много интересного. Она успевает следить за всеми новыми теориями из области астрономии. А началось с того, что Люба наслушалась занимательных историй, глядясь на всевозможные опыты во время экскурсий. «Пошла цепная реакция приобретения знаний, — утверждает Курындин. — В данном случае — астрономических. Уверен, то же самое было бы в любой другой области знания, скажем, в искусствоведении или машиноведении, построй работу занимательно, остроумно. Детям необходим определенный «толчок», импульс, чтобы вовлечь их в интересный, часто весьма драматичный мир идей,

научных открытий. Ведь любая наука может показаться обыденной и пресной только тем, у кого представления о ней самые элементарные. И Курындин ставит вопрос: так ли уж пресно, если приглядеться, поразмыслить?

Все зависит от способа мышления. Если сказать, что до Альфа Центавра надо лететь столько-то миллионов световых лет, мы пожмем плечами, мол, действительно много. Но представим себе нить паутины. Если ею окружить Землю по экватору, она будет весить всего 450 граммов. Но если бы можно было протянуть ее до этой, самой близкой к нам звезды, она весила бы 500 тысяч тонн! Согласитесь, это уже зримо. А чем не тайна: хвойный лес при ветре рождает более высокий звук, чем лиственный. От этой тайны ключи — в формулах физических законов. Вот в чем идея Дома занимательной науки. Удиви непривычным в привычном, невероятным в примелькавшемся — и пробудилась энергия постижения, и пошла цепная реакция от приобретения знания к творчеству.

Задача мастеров и педагогов СГПТУ-25 — сделать из ребят квалифицированных рабочих для автозавода. Задача Курындина — в том, чтобы эти рабочие были творчески мыслящими людьми. И здесь точка пересечения интересов ДЗН с направлением работы заводского клуба, который, кстати, находится в двухстах метрах от училища. Первой меня убедила в этом Валентина Ипполитовна Вакуева, заведующая сектором культмассовой работы Дворца культуры и техники имени Д. Н. Медведева Брянского автомобильного завода.

— Брянскому автозаводу двадцать лет. Его Дворцу — всего три. Именно от нас и именно сейчас зависит судьба сотрудничества завода и Дворца в будущем. Будет ли Дворец всего лишь обязательным довеском на заводском бюджете, местом для торжеств и развлечений, или же он станет помимо всего прочего еще и кузницей кадров, общая и техническая культура которых находится на самом высоком уровне современных требований? Честно признаюсь, что пока мы не можем ответить на этот вопрос утвердительно. Наш поиск не закончился тем самым качественным скачком вперед, который предусматривает коренную ломку старых форм и замену их какими-то совершенно иными, новыми.

Наш Бежицкий район — в основном рабочий, до центра города около часа езды на троллейбусах с пересадками. Большинство тех, кто здесь живет и работает, недавно приехали из села. Зачастую они сами не знают, чего им требовать от нас, с кем, с чем сравнивать нашу работу. Когда мы попытались с помощью анкеты выяснить их пожелания, то получили кипу листков с советами чаще показывать кинокомедии и устраивать танцы. Однако мы не можем обвинять наших посетителей в примитивизме. Спрос рождается предложением, и только ярким предложением новых форм клубной работы мы можем решить нашу главную задачу — повышение общей и технической культуры работников Брянского автозавода. Поэтому мы организовали кружки технического творчества, стали проводить молодежные технические конкурсы «Аукцион-79», создали клуб «Экиб» («Экономия и бережливость»), на заседаниях которого читаются лекции по научной системе

управления, проводятся дни специализации. Работа была проделана большая, и она не осталась незамеченной: недавно областной совет профсоюзов присвоил нам звание «Дворец культуры и техники». Это усложняет наши задачи, и теперь их не решить традиционными формами клубной работы, которые предполагают неперемное разделение на пассивную аудиторию и активного лектора. Нам нужна активная аудитория, равноправное сотрудничество просветителя и просвещаемого. Но как конкретно реализовать это сотрудничество, мы еще только обдумываем, ищем, но увы! — не всегда находим...

Это мнение практика. А вот точка зрения заведующего отделом культпросветработы Управления культуры Брянского облисполкома В. В. Скидана:

— Наш сельский клуб все еще находится во власти традиционных форм работы. В большинстве случаев здесь показывают кино, устраивают танцы, иногда поют хором. А все насущные заботы сегодняшнего села проходят мимо этого очага культуры. С этим нельзя мириться, так как совхозам и колхозам нужны люди, обладающие не только профессиональными навыками, но и высокой культурой. В виде эксперимента мы начали создавать при Домах культуры так называемые справочно-информационные центры.

Сейчас они есть в каждом хозяйстве Брянщины. Что они из себя представляют? Справочно-информационный центр обычно занимает одну из самых больших комнат Дома культуры. Здесь можно узнать о перспективах развития района и хозяйства, скажем, сколько в 1980 году будет построено столовых, детских садов, магазинов, сколько выделит тракторов, комбайнов, автомашин. Здесь можно познакомиться с итогами деятельности хозяйства за последние 25 лет, узнать, кто из трактористов вчера перевыполнил норму, а кто опоздал на работу. Жители села получают здесь самые разнообразные сведения вплоть до расписания поездов, уходящих из Брянска, просто могут почитать свежие газеты и журналы или сыграть партию в шахматы.

Чего мы добились открытием этих центров? Прежде всего, мы обеспечили жителей необходимой информацией. Они привыкли, что именно в клубе можно узнать что-то новое и полезное. Таким образом мы разрушили сложившийся стереотип в сознании людей, что клуб — это учреждение сугубо развлекательное и способствовало созданию более многочисленной аудитории на всякого рода серьезных мероприятиях. Но главное все-таки в том, что справочно-информационный центр стал местом общения людей. Здесь ведутся разговоры на самые разнообразные темы. И производственные проблемы звучат не на уровне праздной беседы, а как серьезный разговор людей, располагающих достоверной информацией.

Но наши центры пока мало посещает молодежь. Мы знаем, что интересами многих юношей и девушек сейчас прочно завладел город. Не имея ясного представления о городе, они предпочитают, что он сделает их жизнь гораздо насыщенной, интересней, богаче. Можно потратить бездну сил на разоблачение этого заблуждения, но так и не добиться желаемого результата прежде всего потому, что мы не в состоянии пока, к сожалению, по-настоящему за-

интересовать молодого человека жизнью на селе. Это станет возможным только при двух условиях: первое — если сделать его активным участником в решении насущных проблем своего села, второе — если не только удовлетворять, но и активно формировать его культурные запросы. Все это теснейшим образом связано друг с другом. Мы не мыслим современного земледельца без глубокого знания техники, агрономии, химии, биологии. Совершенно очевидно, что многое в этом плане — я имею в виду формирование потребности в приобретении знаний — должен был сделать клуб. В идеале такой клуб с его справочно-информационным центром мне представляется своего рода штабом научно-технического творчества сельской молодежи.

Итак, проблемы городских и сельских Домов культуры сводятся к поиску новых форм работы, обусловленных современными задачами, стоящими перед промышленным и сельскохозяйственным производством, повышением массового интереса к ним и, наконец, привлечением возможно большего числа участников к их решению. Это и составляет сегодня одну из главных задач культурно-просветительного учреждения нового типа. Именно таким мне представляется курындинский Дом занимательной науки. В сущности, вся его деятельность подчинена той же самой цели, во имя которой работают и В. И. Вокуева, и В. В. Скидан. Если педагог с полувековым стажем прививает подростку, школьнику стремление к знаниям, развивает в них навыки творческого мышления, то культурработники озабочены пробуждением массового интереса к научно-техническому творчеству и проблемам современного производства. Более того, благодаря беседам с работниками брянских культурно-просветительных учреждений, я пришла к выводу, что успех их дальнейшей деятельности во многом будет зависеть от умения пересмыслить применительно к собственным условиям и задачам опыт Курындина. Его использование прямо-таки не применяется в работе Дворца культуры и техники имени Д. Н. Медведова. Пусть здесь соберутся рационализаторы, передовики производства, познакомят товарищей со своими методами работы, помогут им решить их собственные цеховые проблемы, выявят резервы производства, повышают производительности труда. Но происходит это должно не в форме доклада, а как рекомендует Курындин — в ходе совместного поиска решения какой-то конкретной проблемы. Те же заседания клуба «Экиб» из просто интересных лекций по экономике и управлению производством, могут стать творческой лабораторией, генератором идей, которые найдут свое применение на заводе. И в этом виде клуб будет живым развивающимся организмом, неизменно расширяющим круг интересов своих членов, выводя их за рамки чисто профессиональных, способствуя их общему культурному развитию. И тут видится смычка между существующими сейчас секциями клуба и заводским коллективом — рабочими, ИТР и управленческим аппаратом. На производстве все они решают одни и те же проблемы, но на разных уровнях, оттого и смотрят они на них по-разному. Неформальная обстановка клуба предоставит им возможность выработать единую точку зрения на эти проблемы, преодо-

лев те неизбежные искажения, которые получает всякая информация по пути сверху вниз и снизу вверх.

Но это далеко не единственная новая форма деятельности заводского Дворца культуры, она лишь первая в качественно новом ряду. Вслед за ней можно пересмотреть и традиционную работу по профориентации молодежи. Если раньше она сводилась к выступлению перед ребятами передовиков и ветеранов, к экскурсиям на завод, то в новых условиях подростков можно будет сделать полноправными членами клуба «Экиб», пусть и они участвуют в его заседаниях, приобщаются к тем проблемам, которые решают работники завода, постигают под их руководством не только премудрости профессии, но и всю сложную механику взаимодействия отдельных звеньев производства и служб. Пусть они почувствуют себя автозаводцами, еще не переступив порог проходной. Только в этом случае можно быть уверенным в эффективности профориентации.

Та же методика применима и в условиях сельских клубов. Как мы убедились, перед ними стоят очень схожие задачи, требующие аналогичных решений. Самое главное, что для этого уже созданы условия: образованы при клубах справочно-информационные центры, в правление которых входят все главные специалисты хозяйств. Если клуб «Экиб» возглавляет и активно участвует в его работе главный инженер Брянского автозавода, то почему бы на базе информационного центра специалистам колхоза или совхоза не создать свой клуб, условно говоря, клуб культурного земледельца? Каждый из них возглавит свою секцию, которая будет вести большую работу по распространению передового опыта, творческих поисков наиболее производительных методов труда, применения последних достижений сельскохозяйственной науки, а заводно и по профориентации. Притом теми же методами непосредственного участия подростков в делах взрослых, что и в городе. Для этого не потребуются ни новых капиталовложений, ни дополнительных средств, ни новых людей.

Впрочем, возможно, на деле применение методов Курындина в работе заводских и сельских клубов не будет выглядеть так подкупающе эффективно. Одно дело — идея в чистом виде, другое — как она воплощается, обрастая всеми достоинствами и недостатками тех, кто ее реализует. Тем не менее, я за метод Курындина. Прежде всего потому, что он нашел самое широкое признание и поддержку. Теперь Дом занимательной науки из учебного класса СГПУ превратился в самостоятельное учреждение. Скоро он переедет в отдельное специально для него предназначенное помещение, у него появится штат собственных сотрудников. Это расширит его просветительские возможности. Цель ДЗН отныне, как сказал Н. Т. Курындин, стать консультационным пунктом по новой методике преподавания в учебных заведениях. Но, между прочим, в проекте положения о ДЗН среди других есть пункт, предусматривающий организацию массовых мероприятий и в клубах. И появление этого пункта не случайно. Курындин считает идею занимательной пропаганды науки широко применимой. Он сам проверил ее в том же автозаводском Дворце культуры и техники в процессе подготовки и проведения Дня молодого специалиста.

...По замыслу строителей этот День был посвящен обсуждению серьезных проблем в жизни молодых инженеров и техников. Было отобрано несколько выступающих, каждый делал доклад по своей теме. Все вроде бы должно было развиваться не в лучших традициях клубной работы: докладчики и аудитория. Участие Курындина в этом мероприятии принесло неожиданный эффект. Он задавал каверзные вопросы, заострял противоречия в докладах, провоцировал выступления с мест, в общем, явился катализатором жаркой полемики вокруг проблем, с которыми сталкивается в своей повседневной работе молодежь завода. В результате страсти накалились, головы заработали и предложения, как решить первую, пятую, десятую проблему хлынули бурным потоком. Произошло то, что в мире деловых людей называется «мозговым штормом». Впоследствии многие из этих предложений были приняты, какие-то из острых вопросов вообще сняты с повестки дня. Сами строители потом признавались, что не рассчитывали на подобный эффект намеченного мероприятия.

А в СГПУ-25 мне рассказали похожую историю: ребята работали в совхозе. Агитбригада подготовила концерт для жителей. В клуб собрался народ, и вдруг оказалось, что инструменты для вокально-инструментального ансамбля застряли где-то в дороге. Произошла заминка, над концертом нависла угроза провала, публика, измученная ожиданием, начала роптать. Тогда на сцену вышел один из пэтушников и спросил у шумящего зала, кто сможет поднять с полу пару картошек чугунком, перевернутым вверх дном. Как это ни странно, охотники нашлись. Один попытался — не удалось, это спровоцировало второго, третьего... Глупейшее на первый взгляд предложение вдруг завладело умами. Тогда Василий (как его фамилия — теперь уже никто не помнит) раскрутил чугунок над картошками, и они прилипли к нему, подчиняясь центробежной силе. Зал восхищенно ахнул, а Василий уже предлагал другие задачи. Надо сказать, что действовал он точно по методике Н. Т. Курындина. И совершенно логично подвел людей, чьи помыслы несколько минут назад были весьма далеки от научных интересов, к тому, что они всерьез занялись вычислением: какой толщины должен быть трос, удерживающий Землю на орбите, если вдруг Солнце потеряет силу притяжения.

Только две маленькие «вылазки» идей Курындина на новое поприще. А что если превратить их в систему? Безусловно, на Брянщине немало делается для того, чтобы и городские, и сельские клубы были действенными звеньями в общей системе идеологической, воспитательной работы. Но даже те, кто добился в этом направлении наибольших результатов, делают своей тревогой по поводу того, что, судя по всему, традиционные формы клубной работы уже зачастую не отвечают современным запросам. Надо создавать новые традиции. Но какие? Складывается впечатление, что люди стремятся искать, но неизвестность их пугает. И здесь я опять мысленно возвращаюсь к «урокам Курындина»: на самом деле никакой неизвестности уже давно нет и в помине, маршруты часто уже проложены и надо только не бояться по ним двинуться.

Брянск

БЕСПРИЮТНЫЕ ЭНТУЗИАСТЫ

В. ГЛОТОВ,
наш спец. корр.

Если соединить в одном человеке то, что как будто и не вяжется вместе: немецкую педантичность, жизнь по расписанию, рационализм во всем с французской ироничностью, способностью понимать собеседника с полуплета, а все это вместе сплавить с истинно русским упорством, фантастической настойчивостью и верой в дело, которому служишь, — вот это и будет портрет Александра Мишле.

Фамилию Александр получил от французских предков, переселившихся в Россию в далекие времена. Внешне он никак не д'Артаньян: широкое, почти квадратное лицо, припухшие веки от хронического недосыпания, щетка усов с выбритым просветом к бороде. И вообще он внешне — простит он мне это сравнение — никак не немецкий философ и не французский остряк, а русский широкогрудый, кряжистый крестьянский парень, способный переломить на двоих циркового атлета.

Александр Мишле любит детей. Любит не только своего сына Гешку, а вообще детей — вполне конкретно, не умозрительно, терпеливо, бескорыстно. Если сейчас ему 35 лет, а он уже лет пятнадцать прикован к детям как педагог по призванию, не по должности, то можно сказать, что привязанность эта проявилась у него еще в молодости. Но не сразу она поставила перед человеком альтернативу — решать: или — или... Александр учился в институте, ничего общего не имевшем с педагогикой, работал инженером в области электроники — все дальше и дальше внешние обстоятельства отодвигали его от того внутреннего, что разрасталось в нем. И вот однажды настал день, когда способный инженер порвал с одним своим будущим ради другого.

Тут нам нужно попытаться проникнуть в содержание исканий это-

го человека, понять, в какую форму воплотилась его любовь к детям, каким смыслом наполнилась.

Сегодня после долгих лет педагогических поисков на окраине Москвы, в Черкизове, действует уникальный самодеятельный клуб, объединяющий ребят разного возраста, их родителей и студентов — будущих педагогов. Можно сказать, это клуб по интересам, где «интересом» выступает все та же любовь к детям, если говорить о взрослых, и любовь старших ребят к младшим, если говорить о ребятах.

Дважды в неделю сотня школьников, разбившись на группы по шесть, по восемь человек приходят друг к другу домой, по очереди, то в один дом, то в другой, и там, на квартирах, обязательно в присутствии родителей и под руководством тех из них, кто уже овладел неким запасом знаний и навыков, занимаются с увлечением странным, казалось бы, непостижимо скучным делом. Произносят скороговорки («Клара у Карла украла кораллы...»). Считают на скорость под секундомер, разделившись на команды. Состязаются, кто лучше соображает («Что длиннее — отрезок или луч, прямая или луч?», «Можно ли разделить прямую на три равных отрезка?»). Выискивают признаки предмета, например мяча. Кричат: «Футбольный, белый, дырявый!» — «Вот это хорошо», — говорят им, — отлично! Ни у кого не было «дырявого»... Зарисовывают мгновенно сооружение из кубиков, потом, наоборот, сооружают по чертежу (мальчишка Вадька уложился в пять секунд, счастливый вскакивает: «Все!» — но ему отвечают: «Нет, не то... Думай!») Наконец, они сочиняют «истории». Додумывают сюжеты из прочитанных книг, сами сочиняют, и каждый раз разгадывают «этические задачки».

Я был на таком занятии (через месяц программа изменится, усложнится). Три мальчишки слева, три справа. Это «команды». Посередине — стол. За ним — друг против друга — два руководителя: кто-нибудь из студентов пединститута, выросший в этом же клубе, когда-то сидевший второклассником в составе «команды», и кто-нибудь из родителей. Я был на занятии, которое вместе со студентом Алешей Никифоровым вела

Елена Ефимовна Круглова. Хозяйка дома — мама одного из ребятшек — была тут же, но в стороне, она пока наблюдала, принимая гостей, а пройдет время, привыкнет, втянется и сама сядет во главе стола вести занятие.

Возьмем на заметку важную деталь. Крапивин изредка наносит визиты родителям, чаще, когда случается ЧП. Лунев искренне мне признался, что для него лучше, когда отцы и матери ребятшек в его селе Пархомовка поменьше вникают в то, чем он занимается в школьном клубе «Радуга». Адриан Топоров учил в коммуне «Майское утро» детей в двадцатые годы и параллельно просвещал взрослых. Смешения не происходило. У Антона Семеновича Макаренко родители в его педагогической практике вообще отсутствовали. Василий Александрович Сухомлинский, просвещая родителей, завел педагогический университет при Павлышской школе, но даже он не решил проблемы активного сотрудничества родителей с педагогом в деле интеллектуально-нравственного развития школьников.

Что же здесь, в черкизовском самодеятельном клубе?

Елена Ефимовна Круглова — мать. Сынок ее, второклассник Дима Круглов — тут же. Глядя на него, Александр Петрович Мишле, улыбнувшись, обронил не без юмора: «Проводник социализации родителей...» — имея в виду не столько конкретного Диму, сколько ту задачу, какую ребята выполняют в системе вот такой внеклассной клубной педагогики.

Многое, конечно, меня интересовало. К чему, например, «команды»? Александр уловил в вопросе намек на несовершенство их клубной воспитательной «системы». Ответил: «Мы постепенно уводим ребят от принципа состязания — в мышление. Остается просто партнерство».

Я спрашивал, увидев среди мальчишек только одну девочку: «Где остальные?» Александр объяснил. Оказывается, и эта девчужка-второклассница сегодня случайно в группе мальчишек. Действует принцип: занятия первое время проводятся отдельно — группы мальчиков, группы девочек. Почему же? «Понимаете ли, в чем дело... Ребята младших классов относятся к прекрасному полу без

этического предпочтения — просто как к слабым мальчишкам. Понимание, что это девочки, приходит потом. К этому надо еще подвести. А пока, если смешать, мальчишки просто забудут девочек, будут перекиривать их, переспоривать...»

Прошел час занятий в клубе «Смекалка». В одной из его многочисленных групп. Мальчишки собрали игры, конструкторы, кубики, карандаши и убежали вперед. Мы возвращались с Алешей Никифоровым, первокурсником МГПИ им. В. И. Ленина. Он сам воспитанник этого же клуба и вот теперь — студент. Худенький, в очках, в коротком клетчатом пиджачке, он шел, возбужденный занятиями, общением с детьми, увлеченный не меньше их. «Вы понимаете, — горячо говорил он мне, — они приходят из детских садов, из семей в школу и абсолютно не готовы к работе! — Я не перебивал, принимая Алешин максимализм как есть. — Зрительный анализатор у них не работает. Ведь то, чем мы сегодня занимались, это развитие перцептивного действия, — Алеша говорил очень учено. — Дошкольные задачи! По идее должны решаться до школы, а мы этим вынуждены заниматься с второклассниками!»

Я понимающе кивал головой. Но думал о другом.

— Алеша, — спросил я, — почему вы пошли именно в педагогической институт?

Он посмотрел на меня так, будто услышал самый нелепый вопрос, какой только может быть ему задан. Даже остановился на миг. Ведь он, Алеша Никифоров, я уже упоминал, сам сидел в такой же группе, он рос вместе с дворовым клубом. И он объяснил мне один существенный принцип, на котором строится у них вся клубная работа. То, что здесь приобретается ребенком, обязательно должно быть отдано им другим детям. Но не вообще, так сказать, человечеству, а конкретным малышам, с которыми, когда подрастешь, сам и начнешь заниматься, так же вести занятия, как ведет их взрослый. С этим ребята свыкаются, мысль эта никого здесь не удивляет. Отдавать приобретенное становится естественным законом клубного общения.

Как просто и как, вместе с тем, основательно. Я вспомнил наши горячие споры с журналистом и педагогом Симоном Соловейчиком, доказывавшим мне, что «нравственной» может стать сама методика — в том смысле, что хорошая методика уже сама по себе, независимо от личности педагога и его таланта, его субъективных качеств, формирует нравственность.

А внешне в «Смекалке» — «тренинг детских мозгов», развитие интеллектуальных способностей. Это своеобразный детский «клуб мудрецов». Тут можно повстречать поразительно сообразительных детей. Педагоги из школ не нарадуются: ребята делают успехи в рамках обычной школьной программы. Но это не школа, не «дополнительная школа», это совсем не похоже на школу, хотя (бывает и так) занятия клуба проходят вечером в школьном классе (проблема помещения!).

Внешне, действительно — кубики Косса, всевозможный дидактический материал, конструкторы из «Детского мира», много самодельных сооружений, масса выдумки. И — сплошная игра! Соперничество, споры. Вот поменялись тетрадами

с партнером, отыскивают друг у друга ошибки. Вот склонили головы всей «командой», обсуждают, каков же будет наилучший ответ, ибо Алеша сказал: «Придичте в команде к общему мнению».

Внешне — клуб. Собрались, разошлись. Я помню крапивинскую «Каравеллу», ее ритуалы, заповеди, «железные» принципы. Там отряд — могучая внешняя скрепа. Там внутренний мир человека формируется уже самими внешними обстоятельствами — от звона трубы, заседаний совета капитанов, формы, которую носишь, до ощущения себя частью отряда, готового в любую минуту прийти на помощь, но который и ты не имеешь права подвести.

А тут клуб, никаких обязательств. Вот это я хотел понять — так ли, действительно, никаких?

Мы сидели уже несколько часов. Спор был горячий. Мои собеседники — представители оргкомитета самостоятельного клуба, частица его управляющего центра, его мозга.

«Ну, допустим, — говорил я, — вы тренируете детский интеллект. Прекрасная задача! Но смекалкой можно вооружить и дурного человека».

Младший из ребят, девятиклассник Юра Комальдинов, опережая других, разбивал меня. Юра природный «логик», а его мысленно окрестил «рационалистом»; он превосходно, как шахматист, выстраивал в уме далекие ходы.

Рядом с ним — спокойный, рассудительный, углубленный в себя Паша Ковешников, студент пединститута. Еще двое — Юра Маркин и Алексей Бочков — тоже студенты. Иногда они тактично поправляли логические схемы девятиклассника.

— Мы отталкиваемся от того, — рассудительно говорил Юра Комальдинов, — что уже есть. Известно, как развивать интеллект. А как передать другому человеку нравственность? Извините, но этому нигде не учат!

— Понимаете, — мягко вступил Паша Ковешников, высокий белокурый, у него длинные льняные волосы, добрые, задумчивые глаза, в которых сквозит какая-то постоянная сосредоточенность мысли на своем, личном. — Все у нас в форме игры. Очень непосредственно. Вот у меня в группе есть мальчишка Саша Плетюшкин. Такой он был неорганизованный, рассеянный, все забывал. Я постарался сделать так, чтобы ребята выбрали Плетюшкина ответственным за организационную подготовку занятий. Другими словами, надо квартиру подготовить, тетрадки, ручки, игры собрать, дидактический материал — много забот. И как только повисла ответственность — Плетюшкин стал другим! Первый прибегает, все делает. . .

Но тут снова вступил «логик» из девятого класса. Я был просто в восторге от этого мальчишки!

— Сейчас мы изучили, — сказал внушительно он, — стратегическую концепцию Петровского. Э-э. . . начали изучать, если быть точным. Так вот, среди феноменов коллектива есть так называемая ДГЭИ. . . Вы не знаете, что это такое? — Юра явно растерялся. — Ну. . . я говорю о действенной групповой эмоциональной идентификации. Суть в том, — голос его опять зазвучал уверенно, — что каждый член коллектива отождествляет себя с остальными — тут уже не «я», а «мы». И когда что-то, например, мешает одному из группы, то у других появляется желание ему помочь. Человек эмоционально сопереживает товарищу по учебе, по

игре и помогает ему. И решая групповую задачу, он одновременно устраняет фрустратор, то есть препятствие, которое создает отрицательную эмоцию. Другими словами, когда одному плохо, другой в коллективе должен это почувствовать. Это и есть феномен коллектива. Так, да?

Юра оглянулся на товарищей. Ребята кивнули: «Все верно!»

Окрыленный поддержкой товарищей, девятиклассник (ничего удивительного, он ведь с третьего класса в клубе «Смекалка») продолжал:

— Это здорово нас подкрепило, вот эта концепция академика Петровского. Мы получили теоретическую базу и теперь у себя в группах воплощаем теорию в работе с ребятами.

Тут встрепенулся Юра Маркин, о котором я сказал, что этот студент-первокурсник уже умеет опираться свои и чужие выводы на собственный жизненный опыт работы с детьми. На занятиях у него я тоже был однажды.

— Помните того мальчишку, — воскликнул Маркин, — который все время вскакивал с места и кричал: «Готово!» Это Вадька, он быстрее всех считает у нас на скорость. Неплохо соображает, но характер, скажу вам, ох, — явные черты командирства. Не терпит конкуренции! Быть первым — это у Вадьки самоцель! А так как он умный и быстро соображает, ему часто удается быть первым. Но стоит однажды у него чему-то не получиться, и Вадька тут же сваливает на другого, вопит: «Мне помешали!» Или даже по собственной инициативе начинает ябедничать. Я как-то его спросил: «Что бы ты сделал, если бы вдруг стал волшебником?» Вадька не задумываясь выпалил: «Превратил бы всех людей в муравьев и командовал ими!» И вот этот мальчишка оказывает довольно сильное давление на ребят в группе, бывает, и попросту хамит. Как я поступаю? Я не делаю ему бесконечных замечаний, а в такие моменты просто останавливаю занятие, и ребята сами видят, что мешают. А так как ритм у нас напряженный, мальчишки все время думают, что-то решают, то всякий сбой их дергает, выводит из себя. И однажды они сами сказали Вадьке: «Уйди!» Вадька заупрямился, не захотел подчиниться, но пришлось. . . Понимаете, в чем дело? Ребенок почувствовал, что не педагог так с ним обошелся, а коллектив. Вот это и есть, по-моему, положительное воздействие коллектива. Вадька-то лучше становится!

— А наши «истории!» — в разговор вступил еще один студент, Алеша Бочков. — Тут не только получение информации, расширение словарного запаса, но главное — идеал, к которому ребята стремятся. Вы знаете, что у нас в конце каждого занятия рассказывается «история». Мы сами их придумываем, берем из книг, добавляем, добавляют ребята. Есть у нас и свои постоянные персонажи, свои «герои». Если «история» рассказывается в кругу второклассников, то «герой» ее — пятиклассник. Это очень важно — заложить принцип опережающего развития. Потому что персонаж «истории» в каком-то смысле идеален для второклассников. И если взять их сверстника, то мальчишки, зная хорошо свой возраст, не поверят «герою», потому что сами-то они все-таки другие. . . Ну вот, например, трехминутный сюжет: двое, «Володя» и «Алексей», первый сильнее, решительней, оба плавают, допустим, в море, на глубине и видят: что-

то блещит. Володя предлагает: «Достанем!» А глубина метра три. Алексей колеблется, но под воздействием товарища ныряет — и все же нет, не смог. Заломило в ушах, даже испугался. . . Конечно, мог бы пересилить себя, рискнуть, но не захотел. Тогда Володя сказал: «Эх ты!» Нырнул, долго был под водой, но все же достал. Оказалось — обыкновенная стекляшка! . . .

— Когда мы рассказываем эту историю, — продолжал Юра Маркин, — мы, конечно, описываем, как было страшно под водой, что чувствовал Алексей, как стало ему вдруг плохо. Мы украшаем простой сюжет, как только можем. А потом спрашиваем: «Почему же Алексей не захотел рисковать?» Видите ли, в чем дело. Нам важно не только дать ребятам понятие о героизме и лжегероизме, но еще и буквально показать, что так, как поступил Володя из «истории», поступать нельзя. У нас в Черкизове малыши иногда на спор перебегают трамвайную линию перед вагоном. Мы специально включили этот сюжет, чтобы показать ребятам, что это не только опасно, бессмысленно, но еще и безнравственно, особенно, когда подталкиваешь на такое товарища. . .

Я слушал и думал: какое счастье встретить в жизни на своем пути таких молодых людей. А если еще и учиться у них! («Идем мы с Гешей, — рассказывает Юра Маркин, — и беседуем о собаке и машине. Геша, между прочим, страстно тянется к машинкам, к технике. Я нарочно говорю: «Машина лучше собаки!» И второклассник Геша начинает страстно защищать собаку. . .»)

Они, конечно, осваивают концепцию Петровского, я верю девятикласснику Комальдинову. Но, может быть, эти юные педагоги пойдут и дальше Петровского, и когда-нибудь кто-то будет изучать их собственные концепции. Они горячо отстаивали в споре со мной приоритет методики над личностью педагога, а я, глядя на них, радовался: вот они, личности! И вот оно, творчество!

Весь их клуб «Смекалка» — сплошное творчество, можно сказать, «разгул» самостоятельности. Никто их не заставлял, никому из них ничего не «поручали». И никаких детей в обязательном порядке им не навязывали. Сами! По собственному желанию, по своему разумению. Осваивают теорию, собираются, обсуждают, сами учатся и помогают учиться — без всякой иронии говорю об этом — родителям. «С моим сыном занимается студент, которого зовут Паша. . . Как я благодарна этому юноше! Он и меня инструктирует, дает методику, делится своими наблюдениями, мы с ним много общаемся. Какой это умный молодой человек. И у него буквально какой-то дар вылавливать во дворах безнадзорных детей. . .» — это из рассказа В. В. Даниловой, матери одного из мальчиков, с которыми занимается в клубе «Смекалка» мои новые знакомые.

Таких высказываний масса.

«В кубики, признаюсь, я давно не играл, — солидно произнес В. Л. Баграш, отец одного из ребят и тоже член клуба. — Но научили! Вообще у нас, у взрослых людей, с годами вырабатывается какой-то консерватизм мышления, разделяющий нас с детьми. А эти ребята, студенты, втянув меня в свой педагогический клуб, поверите ли, приблизили меня к собственному ребенку!»

Вот здесь бы и закончить статью, на этой оптимистической ноте. Начав с ли-

дера, который категорически против всякого лидерства в клубе и даже пытался запретить мне упоминать его имя. Рассказав о последователях, о том, чему и как учат ребятшек в клубе (добавим: там еще и зарядку бегают делать вместе, и музыке учатся, и рисуют, и просто дружат). Расставив при этом необходимые акценты насчет активной роли родителей. И, наконец, подчеркнув самостоятельные начала (никто ни с кого здесь рубля не берет). Сделав все это, я мог бы считать, что выполнил задачу. Но, увы, на редакционный стол легло письмо. Конец спокойному повествованию.

«Пишут вам родители школьников, проживающих в районе клуба Метростроя. Мы просим вашей помощи в решении важного вопроса, а суть вот в чем...»

И дальше описывалось, как работает кружок-клуб «Смекалка», что занятия проходят по квартирам, говорилось, как изменился досуг самих родителей в пользу воспитания детей, и кроме всего прочего, сообщалось, что вот уже год, как самостоятельное объединение нашло приют при клубе Метростроя, единственном клубном учреждении в Черкизове. Приют не бог весть какой, но все же по воскресеньям предоставлялось помещение, большая комната для общей встречи студентов, родителей, да и для детей, так как им иногда надо тоже увидеть не шесть-восемь человек, а всех

сразу, почувствовать себя большим коллективом. И так было, сообщалось в письме, «при старом директоре» клуба Метростроя. Но вот директор ушел, его временно заменила заведующая библиотекой, расположенной тут же, в клубе, Н. А. Ушакова. Она и отказала «Смекалке» в помещении. Да заодно и «Затейнику», группе дошкольников. При этом сослалась на приказ свыше — на А. Г. Малышеву, заведующую отделом культуры метростроевского дорпрофсожа. «В чем дело?— спрашивали в письме родители.— Может быть, воспитание перестало быть важной проблемой?» Под письмом стояло десять подписей.

Я набрал номер телефона Анны Григорьевны Малышевой.

— Письмо?!— Анна Григорьевна говорила уверенно, сразу забрав инициативу в свои руки.— Значит, так... Слушайте меня внимательно! Эт-то по злобё! Эт-то самозванцы, которые решили себя испытать, а с вами хотят сыграть шутку. У них нет никаких документов, а вы знаете, столько сейчас бродячих руководителей, энтузиастов. Мы не можем каждому доверять. Я вас умоляю! У нас был один с гитарой, деньги брал... И этих я знаю... Умоляю, перешлите письмо мне. Вы меня поняли?..

Я ответил, что не понял. Сказал, что встречусь с «энтузиастами без документов».

А после того, как встреча состоялась —

долгожданный визит в клуб Метростроя.

Две женщины ожидали меня в нем. Новый директор Мария Тимофеевна Юрлова и директор ЦБС Метростроя (центральной библиотечной системы) Надежда Аполосовна Ушакова, та самая, ис-

полнявшая обязанности директора клуба, которая и запретила «Смекалку».

Взгляды настороженные, губы сжаты. Оглядываются друг на друга — кто начнет беседу. Наконец, Надежда Аполосовна, по праву ветерана, начинает, но осеклась — в кабинет вдруг вошла сотрудница. Помолчали. Сотрудница вышла. Ушакова сухо пояснила: «Она в этом вопросе занимает неправильную позицию».

Но вот никто больше нам не мешает.

— Я расскажу вам, как было дело... Кружку «Смекалка» были предоставлены все льготы, весь этаж был забит какими-то людьми. Даже во время ремонта они занимались... А когда прежний директор ушел и назначили временно меня, я попыталась внести ясность: кто тут и что? Меня не интересовало, какая от кружка польза и чем они там занимаются — мне дайте список и точное название. Но оказалось, что у них нет никаких разрешений! С каждым руководителем должен быть заключен договор — ведь так? А тут — ничего! Не поймешь, кто руководит. Я сказала им: «Не хочу брать на себя ответственность». И вообще, что это такое? Приходят в клуб, когда им удобно. Иногда и до одиннадцати вечера задерживаются. Объясняют: «Мы студенты, мы учимся и поздно освобождаемся». Нет, нельзя нарушать порядок! И вообще начали плести, что все тут у них на энтузиазме! И, понимаете, никаких бумаг! Ни от институтов, ни от школ... Я запретила. И что характерно — никто не заступился, не замолвил за них хоть слово. Хотя бы вопрос мне: «Да вы что?!» Значит, действительно, нет никаких разрешений... Теперь о «Затейнике», это тоже кружок, дошкольники. Ведет Ангелина Мишле, жена этого, старшего из них. Она студентка МГПИ им. Ленина. Ну и что? Тоже ведь нет ни договора, никаких бумажек! Ну, справку, говорю, хотя бы привезти или какую-нибудь рекомендацию. Нет! А какая настырная! Настырней, чем ее муж. Доконала всех. И нового директора Марию Тимофеевну, и Малышеву. До председателя дорпрофсожа дошла, и он ей разрешил заниматься с детьми. А я бы не дала такого права. Мы не можем доверять ей детей. А если она их калечит!

Я не перебивал. Но вот Надежда Аполосовна выговорилась, вылила наболевшее. И я спросил: как же быть с письмом в редакцию — его же написали родители?!

— Хм... родители! — Надежда Аполосовна всем видом показала пренебрежение, даже взгляд брезгливо отвела от стола, где лежало письмо. — Это не родители пишут. Я тоже могу такую бумагу написать, — пояснила она свою мысль.

На следующий день в этом же кабинете собрались те, кто написал письмо. Интересный состоялся разговор. В нем принимала участие новый директор клуба М. Т. Юрлова. Надежды Аполосовны не было. Сославшись на занятость, она не пришла.

Лицо у Марии Тимофеевны доброе, но тень озабоченности, какой-то тревоги лежит на нем. «Я человек новый, — говорила она, — до этого работала в ЖЭКе, клубного дела не знаю, но по-моему, каждый кружок где-то регистрируется. А тут нет никаких справок, никаких документов — как же можно брать товарища на работу? Да и кого брать — не пойму? И не хотят они оформляться. И вообще я не могу сама решать, раз дорпрофсоюз против. Клуб наш расположен в трудном

районе. Все, кому не лень, лезут. Разве вахтер справится? Разве он может отличить, кто свой, кто чужой? Я вот хочу пропуска ввести. Выдать всем участникам кружков самодеятельности пропуска в клуб, тогда будет ясно, кого пускать. Вообще, работы тут, я поняла, много. Предстоит реконструкция здания. Финансовые вопросы, хозяйственные. Надо наводить порядок!»

Так говорила Мария Тимофеевна, новый директор.

Признаюсь, я думал — все это недоразумение. Поехал в дорпрофсоюз, встретился с А. Г. Малышевой, к ней сходились все управленческие нити. Я уже знал, что Анна Григорьевна в свое время нанесла визит, побывала двадцать минут на одной из встреч студентов и родителей в клубе Метростроя. Даже перекинулась несколькими фразами с Александром Петровичем Мишле, на ходу, в коридоре. И смысл был: все хорошо... А потом — инструкция новому директору: не пускать в помещение.

Я искал объяснение. Может быть, думал я, дезинформировали? Хотя бы та же Ушакова...

— Мы не знаем, кто их рекомендовал, — отрезала заведующая отделом культуры. — По какой методике они занимаются, тоже не знаем, — я попытался было вставить: так поинтересуйтесь... Анна Григорьевна крайне удивилась: — А зачем? Я не специалист! Меня интересует, кто разрешил — вот и все! Кто знает об их инициативе? Не-ет... Посторонние коллективы мы не имеем права брать под крышу клуба. Хотя, может быть, «Смекалка» — это очень интересно. Не знаю. И отвечать за них — не хочу!

Обратите внимание: никто из клубных работников, никто из культпросветчиков, стоящих на страже дверей сверточного учреждения и даже проектирующих «пропуска в клуб», не пожелал проникнуть в суть дела, не захотел понять, чем занимаются в «Смекалке» родители и студенты. Содержание жизни самодеятельного досугового объединения было отброшено профессиональными культпросветчиками как не интересующее их. Зато какой интерес к бумажке: «Дайте справку!»

Да если бы всерьез обеспокоились тем, что в компании Мишле происходит с детьми (не калечат ли их?) — обязательно полезли бы в суть. Пришли бы, посмотрели. Любовь к детям привела бы — и вмешались бы, если что не так.

Но нет! Потребность в бумажке — сугубо оградительная, бюрократическая. Ведь стоит собрать родителей, развернуть кое-какие газеты, журналы — и все выяснится. Журнал «Юность» писал об опыте А. П. Мишле. Статья об этом же в «Комсомольской правде». Издательство «Молодая гвардия» выпустило книгу «Чужих детей не бывает», издательство «Знание» — брошюру «Воспитание ответственности» — там тоже о работе, которая ведется в Черкизове. Многолетнюю поддержку клубу оказывал Куйбышевский райком комсомола и его первый секретарь Валерий Монахов. И все это — мимо взора клубных работников... В «Известиях» выступила заместитель министра просвещения РСФСР Л. К. Балясная. Ее слова взяли бы в качестве опоры, раз так нужна опора на авторитет... Но нет, даже тогда, когда я прямо посоветовал: полистайте газеты и журналы, почитайте — не заинтересовались. Не нужны авторитеты!

Между прочим, Л. К. Балясная, высту-

пая в «Известиях» за «круглым столом», говорила то, что сегодня прозвучит очень к месту: «Именно умением создавать романтику привлекают ребят к себе наши энтузиасты-общественники, такие, как... Александр Петрович Мишле, в недавнем прошлом инженер... Почему эти люди, — продолжала заместитель министра, — сейчас не идут на штатную работу с детьми? Их отпугивает формализм, громоздкая отчетность. А таких людей следует поощрять, привлекать, прославлять... В работу с ребятами надо вносить больше теплоты, сердечности, фантазии, новизны».

Этот «круглый стол» так и назывался: «Свободное время подростка». Прямотаки наша, клубная тема. Педагоги из замечаний Балясной сделали вывод, да и жизнь убедила. Сейчас в союзе с общественным клубом «Смекалка» работают директора двух школ, расположенных в микрорайоне, многие учителя. И «группы» самодеятельного клуба — это те же классные октябрятские звездочки. Они создавались в этих школах не по случайному признаку, не по росту, а по разумному совету дворового клуба, неплохо знавшего малышей.

Ну а культпросветработники — почему в стороне? Неужто опять заводят разговор о важности проникновения в жизнь, о необходимости повышать свой кругозор и самому вникать в суть явлений социальной действительности?

Секретарь Куйбышевского райкома партии Тамара Андреевна Зуйкова приезжала на занятия с детьми в «Смекалку». Она познакомилась с Александром Петровичем, со студентами, с некоторыми родителями. Беседы ее затягивались на несколько часов, до позднего вечера. Задавались десятки вопросов. И секретарь разобралась.

А от клубников слышим: «Это кто-то по злобе...», «Самозванцы...», «Пропуска в клуб введем...», «Дайте справку!»

Не будет справок! Нелепо отцу или матери брать справку о том, что они имеют право воспитывать своего ребенка и помогать, по взаимному согласию, воспитывать других детей, развивая их интеллектуально и нравственно. И точно так же нелепо студенту Паше или Алексе, которые любят детей, идти в деканат и просить: «Можно я буду в микрорайоне работать с мальчишками?»

Общественные начала заключаются ведь не только в том, что отсутствует оплата труда — добровольного, коммунистического по своей сути. Отпадает и запрещающий «диктат» — та бюрократическая оболочка, когда распорядитель не интересуется, что делается, а озабочен, «кто разрешил».

Черкизовская общественность — педагогический самодеятельный клуб «Смекалка», как бы ему ни было трудно, тесно, неуютно, все-таки обойдется без клуба-учреждения (хотя и стремится к сотрудничеству). Но вот обойдется ли клуб Метростроя без подлинной самодеятельности, без тех удивительных ребят, о которых я рассказывал, без Александра Мишле, которого любят и взрослые и дети, без группы родителей, объединившихся, чтобы коллективно заниматься воспитанием детей, — вот это вопрос.

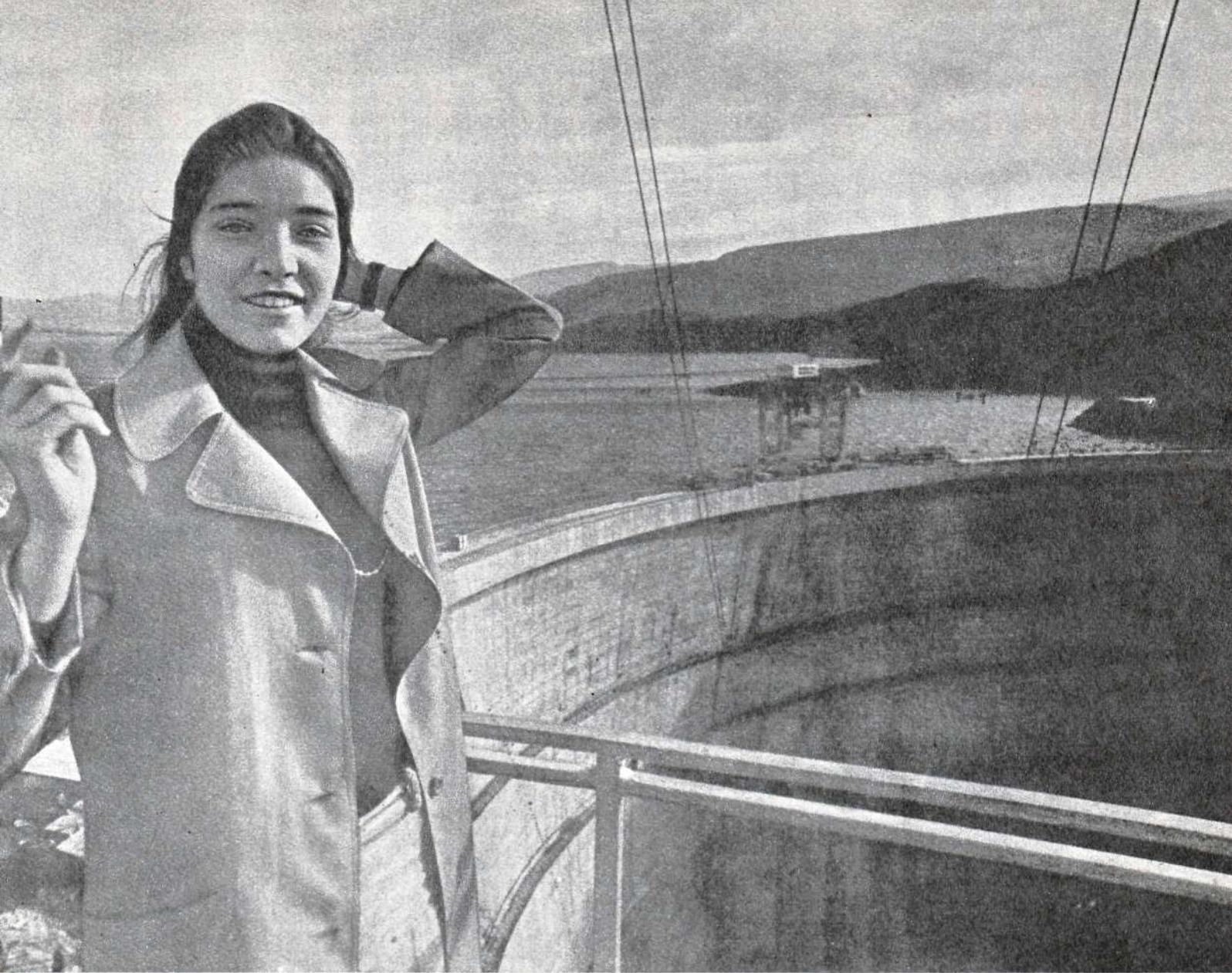
Я думаю, не обойдется. Если, конечно, захочет быть не только «отремонтированным» и даже «капитально реконструированным» зданием, а именно клубом людей.

Москва

ФОТООЧЕРК

Патимат Мустафаева будет учительницей. Рисование и труд — такую специальность выбрала себе эта девушка, студентка педагогического училища из дагестанского города Буйнакска. Патимат знает не только как отличницу учебы, но и как активистку городского Дома культуры. Она солистка хореографического ансамбля «Атлант», недавно удостоенного серебряной медали ВДНХ. Самодеятельным артистам рады строители Чиркейской ГЭС, чабаны высокогорных пастбищ, жители дальних аулов. Много времени отдает Патимат творческим занятиям со школьниками. Весь этот круг увлекательных дел — хорошая практика для будущего педагога.

Заботы Патимат

СЕМЬЯ и КИНО

С. АНТОНОВА,
журналистка

... День у них обычно расписан по часам. Помимо основной профессии и своего любительского увлечения, они заполняют свой досуг, как говорится, до отказа. Старший консультант по охране памятников Московского общества охраны памятников Светлана Федоровна, например, отдает свободное время не только кинолюбительству — она не упускает возможности расширить свои знания в интересующих ее областях: истории, филологии, архитектуре. Несколько дней я не могла встретиться со Светланой Федоровной — она ежедневно ходила на лекции по археологии доктора Умберто Францойи из Венеции. Это же можно сказать и о Михаиле Михайловиче, супруге Светланы Федоровны, круг интересов которого широк: и драматургия, и живопись, и поэзия, и искусство кино в самых разных его сферах.

Готовилась я к этой встрече с волнением: мир человеческих пристрастий — всегда немного тайна. Проникновение в эту тайну как бы обнажает в людях то, что обычно бывает скрыто под маской деловитости, неприступности, отчужденности. И чем глубже, серьезнее увлечение, тем ревнивей оно охраняется от лю-

бойства и скептических улыбок посторонних. Тем труднее бывает разгадать секрет привязанности. Уже сама попытка разгадать всегда волнуящая — будто заглядываешь за запретную дверь.

Моя «запретная дверь» оказалась тем интереснее, что за ней хранится внутренний мир сразу двух людей, семьи, с их особым, только им свойственным восприятием окружающего. Надо сказать, семейное хобби встречается не так часто. Ведь как бы ни были супруги духовно близки, сколько бы ни оказалось у них общего, все же нечасто случается совершенное совпадение вкусов, жизненных идеалов, общей устойчивой любви к делу.

Домашняя киностудия супругов Барановых имеет уже солидный стаж — больше пятнадцати лет. За это время ими отснято около двадцати фильмов, игровых и документальных. И когда я узнала, что они собираются делать картину о Марине Цветаевой, скажу откровенно, загорелась сама участвовать в работе. Не знаю, что больше сыграло в этом роль: фильмы ли, которые они показали мне, сама тема или же та страсть к делу, что чувствовалась в разговорах о предстоящей работе. Захотелось вместе с ними перерывать горы материала, принимать и отвергать, волноваться, искать, отбывая то единственное, что поможет раскрыть образ прославленной русской поэтессы.

Сколько я ни встречалась с этими людьми, каждый раз оставалось смешанное чувство восхищения... и досады. Не восхищаться ими нельзя. Буквально поражают тот живой, неумный интерес ко всему окружающему, огромная любовь к искусству в целом и к искусству кино в частности, и высокая гордость за прославивших Россию сынов, которым посвящены их фильмы. Они будто забывают говорить о себе, о своей работе. Зато часами могут рассказывать о знаменитом русском мыслителе Николае Федоровиче Федорове («московском Сократе»), о колокольне «Иван Великий», что на Соборной площади в Кремле, о поэзии Николая Рубцова, о народных традициях и языческих праздниках на Руси, о древних городах «Золотого кольца», об известных истории братьях Барятинских, о знаменитой актрисе Софье Сайтан, читавшей на сорока языках мира, о музыке «Хованщины», которую интересно использовали в фильме «Образы древней Москвы», о Шопене... Короче, обо всем том, что явилось темами их картин.

Досада же появлялась оттого, что явно чувствовалось нежелание Барановых перед кем-либо раскрываться до конца. Например, мне показалось, что Светлана Федоровна избегает смотреть собеседнику в глаза. Такое ощущение, будто она тем самым как бы закрывается от излишней назойливости. А может быть, это потому, что не однажды сталкивалась она с ироническим отношением к миру ее семейного увлечения? Ведь чего греха таить, нередко еще можно услышать суждения такого рода: «Делать людям нечего, нет особых забот — вот и занимаются всякой чепухой!» Наверное, каждый, кто чем-то увлекался, помимо работы и воспитания собственных детей, хоть однажды слышал в свой адрес примерно такое же.

Впрочем, иногда это ощущение напряженности пропадало. Так было, например, когда Светлана Федоровна повела меня по улицам одного из самых ста-

рых районов Москвы: что ни переулочек, то история, известные на Руси имена, события.

Оказавшись в родной стихии Светлана Федоровна, что называется, ожила, почувствовала себя раскованной. Мы брели вверх по Ивановской горке, мимо Ивановского монастыря, по Старосадскому переулочку, где когда-то в старых густых садах укрывались палаты Мазепы и церковь Владимира.

Рассказывала об этих памятниках Светлана Федоровна со знанием истории и архитектуры. Рассказывала живо и интересно. Увлеченно делилась планами своего общества: что нужно реставрировать, что освободить от учреждений, взять под охрану государства. Было ясно, что то, о чем говорит, ей близко, дорого, как близки и дороги темы их семейных фильмов, их сюжеты, задачи. А о сокровенном, согласитесь, рассказать не всегда так легко, как было в тот день.

Поэтому, наверное, супруги Барановых не столько рассказывали мне о любительской работе, сколько показывали свои фильмы. И я смотрела. Смотрела с большим интересом, с удивлением и уважением.

... Еще совсем недавно о «Золотом кольце» Москвы — Ростов, Владимир, Суздаль, Углич — об этом чуде земли русской известно было не много. Еще в шестидесятые годы о памятниках культуры пеклись не с тем жаром, с каким это делается сегодня. Не так настойчиво, как сегодня, велась и пропаганда бережного отношения к неповторимым ценностям древних городов. Профессиональные студии тоже, как говорится, не баловали зрителя интересными кино-рассказами о нашем богатстве. Примечательно, что один из первых фильмов Барановых назывался «По древним русским городам». И с этой работы, наверное, и началось настоящее увлечение историей. История же, в какую бы глубь веков нас ни уводила, остается всегда актуальной.

Я вот что имею в виду. История страны, народа — это история развития и его искусства, культуры, ремесел. Очень многое, бывшее хорошо известным древним мастерам живописи, зодчества, для современника остается заманчивой тайной. И не любопытства единого ради подчас бьемся над какой-нибудь загадкой. Уходит век, уходят люди, а с ними и то, что очень могло бы пригодиться потомкам, но что, к сожалению, часто бывает утраченным навсегда. Сохранять, восстанавливать эти крупицы старины и помогает семья кинолюбителей Барановых.

Нет, не зря все же в свое время называли кинопроектор волшебным фонарем, думала я, глядя на экран. Вот сейчас, например, сидя в удобном кресле, я с ловкостью ужа бесстрашно спускаюсь в узкий проем шахты, уходящей к фундаменту колокольни на Соборной площади Кремля. Фильм называется «Что скрывает «Иван Великий»?» Долгое время ученые и архитекторы ломали головы над загадкой: каким должен быть фундамент колокольни, чтобы выдержать его могучий рост в 90 метров. Предполагали многое, все разное, но сходились в одном — это должно быть что-то не менее грандиозное, чем само здание. Называлась даже приблизительная цифра его глубины — 15—20 метров. Ведь в свое время на месте «Ивана Великого» был срез холма, по одну сторо-

ну которого была Ивановская площадь (позже Соборная). Именно здесь зачитывались все царские указы (отсюда «кричать во всю ивановскую»). Почва холма была болотистой, рыхлой. Возвести фундамент даже для небольшой постройки было невозможно, а тут гигант, да еще на века!

Когда прорыли шахту вдоль фундамента, то его глубина оказалась всего около шести метров. Материал — просмоленные сосновые столбы, вплотную загнанные в землю вертикально. А сверху еще площадка из плит белого камня. И вся премудрость. Просто, как все гениальное.

Открыли шахту только на несколько дней, никого близко не подпускали, кроме признанных авторитетов. О кинодокументации этого уникального открытия никто не подумал. Да профессионалы едва ли и согласились бы работать в тех условиях: шахта очень узкая — только водить объективом по стене, никакого освещения не разрешалось во избежание замыкания, пожара. И вот, словно соревнуясь в ловкости и находчивости, в профессиональном мастерстве с самим автором уникального сооружения, Михаил Михайлович Баранов отснял архитектурный секрет великана. В помощь оператору были только его терпение и опыт.

— Это здорово, что у нас в стране в последние годы так бурно развивается любительство, творчество. Люди фотографируют, поют, танцуют, рисуют, играют, делают фильмы, ставят спектакли. Это, пожалуй, самая полная возможность для самовыражения. Правда, творчество и усложняет жизнь... — Светлана Федоровна неожиданно обрывает себя, заметно смущается, вдруг спохватившись, что слишком разоткровенничалась. Очень зримо представляю себе то, чего никогда не приходилось наблюдать: вот они идут по одному из старых переулков Москвы, кружат вокруг какой-нибудь церквушки, храма, особняка. Торопливо перехватывают друг у друга камеру, все время о чем-то горячо спорят, что-то записывают, примеряют объективом. Снова спорят и снова счастливы единым душевным порывом, моментом внутреннего взаимопонимания...

Но почему же тогда родилась эта мысль: творчество усложняет жизнь? Что имела в виду Светлана Федоровна? Те постоянные временные нагрузки, которые накладывает работа над фильмом? Или те духовные траты, поиски тем, кинематографических решений, образов, которые, конечно, приносят огромное удовлетворение, но и требуют постоянного обдумывания, многих сил?

Ну, казалось бы, чего проще: пришли с работы усталые, поужинали — и на прогулку или же с интересной книгой в кресло. В общем, отдыхай в свое удовольствие, никакими проблемами голову не забивай, набирайся сил на завтра. Почему же мы часто усложняем даже наш досуг?

Наверное, это оттого, что люди стали интереснее, требовательнее к себе и к окружающим, к своим деловым качествам и досугу. Отсюда сложность прямым мостиком перекидывается и в семейный быт, вкрадывается и в супружеские взаимоотношения. Ведь, действительно, в семье Барановых не просто. Тут, пожалуй, задумаешься, чего перепадает людям больше — радости или волнений. Взаимное уважение и восхищение, творческие поиски и счастье открытий — это только одна сторона ме-

дали, а другая — неудачи, постоянная озабоченность этим общим делом семьи — кино! И даже невольная, естественная конкуренция.

— Ох, сколько же мне пришлось проплакать тайных слез, пока завоевала авторитет, стала, что называется, на равных с Михаилом Михайловичем! — Светлана Федоровна усмехнулась своим воспоминаниям. — Ведь когда мы познакомилась, он снимал уже несколько лет. Рядом с ним чувствовала себя «пешкой». Допускалась только к подсобным работам: таскала шнур, поддерживала лампы, аппарат, подавала, убирала... И потом эти вечные споры о темах фильмов, о ракурсах, передних и задних планах.

Да может ли человек вообще выбирать — в его ли это власти отказаться от самого себя даже ради спокойной, бесконфликтной жизни в семье? И составит ли это, как говорят, семейное счастье? Ведь и само понятие счастливой жизни в семье очень индивидуально.

Стержень семьи Барановых — очень сложный сплав чувств и взаимоотношений. И такое сложное переплетение, мне кажется, способствует внутреннему росту обоих, взаимному внутреннему обогащению и постоянному ощущению новизны.

Почему именно кино стало жизнью этой семьи, средством самоутверждения каждого в отдельности и обоих вместе? На этот вопрос Светлана Федоровна и Михаил Михайлович отвечают с убежденностью имеющих опыт и свою точку зрения людей.

— Кино — это синтез многих искусств сразу: художественное слово (озвучивание), форма и цвет, пластика и ритм движения, использование технических средств, широкий выбор темы, возможность раскрыть ее, тему, под своим углом зрения, выразив личное отношение к снимаемому. Наконец, жесткие рамки времени заставляют совершенствовать мастерство оформления мысли на экране. Известная триада личность — тема — средство, на наш взгляд, выражается наиболее широко и полно именно в кино.

Одно из очевидных достоинств лент «Барановской киностудии» то, что, делая документальную ленту, авторы не стараются выбирать для съемок только выигрышные для кино объекты. Например, живого человека, которого можно наблюдать за работой, проинтервьюировать, что-то снять скрытой камерой, дать его голос на фоне, например, его же произведений... Подчас они выбирают объекты, на первый взгляд трудно реализуемые на экране, тем более в любительском кино.

Ну, скажем, их фильм о Шопене («Реквием по Шопену»). Если профессиональная киносъемочная группа может выехать на родину знаменитого композитора, показать в фильме его личные вещи, города и дома, где он бывал, праздники, устраиваемые соотечественниками специально в честь памяти о нем, и многое другое, то у любителей подобный набор довольно ограничен. Но зато есть поэзия, музыка, интуиция в передаче настроения, образа. Есть мастерство операторских приемов, режиссерских находок. И вот тут многое определяет интеллект автора, его вкус, его личное отношение к теме, понимание музыки, цвета, перспективы кадра.

...Могучие аккорды «Революционного этюда». На экране взволнованный Париж

легендарных дней (литография). Портрет Жорж Санд, музыкальные гостиные XIX века, черепичные крыши Вены — все это под легкие звуки шопеновских вальсов... И вдруг весь этот мир — любви, славы, путешествий сменяет мрачный кадр — Шопен на смертном одре. Звучит печальный ноктюрн. Окно, залитое скучным осенним дождем. Наплывающие и опять растворяющиеся где-то во тьме скорбные свечи... И снова жизнеутверждающий, прославляющий человеческий разум и волю «Революционный». Камера бежит за солнцем, бежит сквозь пшеничные колосья. Кажется, что светило обегает шар земной, вечно молодое — жизнь продолжается! Музыка и память не умирают. Барановы использовали в фильме элементы простые и доступные для любительского кино и вместе с тем образно решили тему, нашли необходимый синтез музыки и кадра.

Музыка и поэзия часто служат той призмой, сквозь которую авторы фильмов показывают своих героев. Ну, а уж рассказ о самом поэте без стихов немислим. Невозможно рассказать о нем, не выразив личного отношения к его творчеству. Таков их фильм «В минуты музыки печальной»...

Барановы страстно любят поэзию Николая Рубцова, поэта мягкого, лирического плана, рано ушедшего от нас.

«В минуты музыки печальной я представляю желтый плес,
И голос женщины прощальный, и шум порывистых берез,
И первый снег под небом серым среди погаснувших полей,
И путь без солнца, путь без веры гонимых снегом журавлей...
...Как будто вечен час прощальный, как будто время ни при чем...
В минуты музыки печальной не говорите ни о чем».

На экране в это время сменяют друг друга пейзажи среднерусской полосы. Узкая улочка в старинном городе Вологде, маленький дом, где родился поэт, теплая грусть...

Мне трудно судить, насколько профессиональные фильмы супругов Барановых, да это сделали уже и без меня солидные жюри на республиканских и союзных конкурсах любительских фильмов. Многочисленные грамоты и дипломы свидетельствуют о довольно высоких оценках знатоков и зрителей. Только фильм «В минуты музыки печальной» на 12-м Всероссийском фестивале, проходившем летом этого года, завоевал Диплом I степени, вторую премию фестиваля, специальный Диплом и приз Вологодской филармонии и даже специальный приз публики. Каждая работа Барановых интересна прежде всего темой, выбором тех средств и приемов, которыми раскрывается она. То общее, что объединяет все работы, — их актуальность, их нужность сегодняшнему зрителю. По-видимому, тем и отличаются по-настоящему увлеченные люди, что в свои досужие занятия они обязательно привносят живую идею, способную вызвать интерес не только у друзей и родственников. Вольно или невольно они вырываются за сковавшие творчество рамки сугубо личных интересов. Это, собственно, и является показателем не только достигнутого ими уровня мастерства, но и их гражданской зрелости. Когда личным, важным для себя становится общественное, социально-значимое, нужное всем.

**ВСТРЕЧА
ПО ПРОСЬБЕ
ЧИТАТЕЛЯ**

неожиданный

ракурс

На вопросы читателей отвечает солистка Государственного академического Большого театра СССР, народная артистка СССР Екатерина Максимова.

В течение последнего года по телевидению демонстрировались два несколько необычных художественных фильма: «Галатее» и «Старое танго». Для тех, кто привык видеть вас в спектаклях Большого театра, все в ваших телевизионных работах оказалось неожиданностью. И то, что вы — классическая балерина — сменили традиционные атласные туфли-пуанты на грубые деревянные башмаки уличной девчонки и мужские полуботинки мальчишки на побегушках. И то, что вы, создавшая на сцене образы нежных, преданных и любящих героинь, сумели преобразиться в существа озорные, лукавые, неистощимые на выдумки. Что заставило вас — балерину, пользующуюся мировой славой, вполне «творчески удовлетворенную» и большим разнообразным репертуаром, и многочисленными гастрольными поездками, — решиться на столь рискованный эксперимент, который мог закончиться и пустой потерей столь драгоценного для любого художника времени, и даже подрывом безупречной творческой репутации. Ведь за последнее время мы слышим в адрес некоторых актеров упреки в том, что они порой берутся не за свое дело, в особенности в кино и на телевидении. А удач не так уж много.

С. Костромин
Алтайский край

Уверенности в успехе у меня, конечно, не было. Но мне всегда хотелось попробовать себя в чем-то таком, чего я еще не делала на сцене. Я очень люблю своих сценических героинь — и Жизель, и Машу из «Щелкунчика», и Аврору из «Спящая красавица», и, конечно, Фригю из «Спартак». Их танцы — сложные классические вариации, их можно и нужно шлифовать и отделять до бесконечности. И в этом смысле ни один спектакль не похож на другой. Но у меня такой характер, что однообразие мне надоедает. Наверно, я устаю иногда от моих вечно нежных, преданных и любящих героинь. Хочется для них самостоятельности, большей инициативы. Так у меня было с партией Китри в старинном балете «Дон Кихот». Когда я пришла в театр, меня считали чисто лирической балериной — я танцевала Сильфиду в «Шопениане», Марию в «Бахчисарайском фонтане», Жизель. И вдруг — Китри. Ее взбалмошный характер и огневые «испанские» танцы не имели ничего общего с плавными нежными движениями и характерами моих лирических героинь. И все то время, что я готовила партию, я слышала со всех сторон: «Ты берешься не за свое дело!» И правда, могло показаться, что все отговаривавшие меня от Китри правы — ведь стало почти правилом, что те балерины, которые танцуют «Дон Кихот», не танцуют, предположим, «Жизель», и наоборот. Но я все же не сдавалась, и, наконец, настал день, когда я впервые станцевала Китри. И тогда все, кто меня отговаривал, стали говорить: «Вот это — именно твое!» А что было бы, если бы я их послушалась? А теперь Китри — одна из самых моих любимых партий. Как, впрочем, и Джульетта.

Тем больший интерес представляла для меня Элиза Дулитл с ее самостоятельностью, ни на кого не похожим характером, неиссякаемой жизнерадостностью. Создать характер Элизы Дулитл для драматической актрисы — большая трудность. Тем более это трудно для балерины — ведь у нее нет острее

шего текста Шоу. Конечно, я волновалась, конечно, было трудно осваивать новую для меня технику танца на каблуках, пришлось преодолевать собственный страх, неуверенность. Режиссер и балетмейстер уверяли меня, что все у меня прекрасно получится. А я их уверяла, что у меня ничего не получится. Но споры спорами, а мы работали и работали. И все, что могла, я сделала. Не мне судить, получился ли фильм удачным, но трудились мы все, не жалея себя.

Теперь, оглядываясь на обе мои телевизионные роли, я могу с полной ответственностью сказать, что экспериментировать просто необходимо. Надо исполнителю почаще пробовать себя в том, что для него абсолютно ново. Учиться новому не боясь, каждую работу начинать как бы с нуля, переучиваться — тогда, наверное, может получиться какое-то новое качество. А если работать как бы между прочим, жить только старым багажом, конечно, ничего творчески интересного не получится.

Когда мы смотрели по телевизору сначала «Галатею», а потом «Старое танго», у нас возник спор. Не в оценке вашей работы, тут мы все были вполне единодушны — и Элиза Дулитл, и девочка-мальчик из «Старого танго» нам очень понравились. Спор у нас возник по другому поводу — что представляют собой эти фильмы? Балет это или не балет? Одни из нас считают, что танца здесь не так много, как в балетных спектаклях, идущих на сцене. Да и используется он как-то иначе. А другие считают, что это самый настоящий балет, только гораздо более понятный. Поэтому эти фильмы с удовольствием смотрят и те, которые вообще-то балетом не интересуются. А как считаете вы?

Л. Мухамеджанова
Бухарская область

Конечно, фильм-балет — это не традиционный балетный спектакль. Балетная сцена диктует определенные условия: вариация или дуэт должны быть более или менее определенной длительности — иначе их просто невозможно будет выполнить физически. Кроме того, в балетном спектакле сюжетные сцены чередуются с чисто танцевальными, которые или передают душевное состояние героев (как это происходит, например, в «Спартаке» или в «Икаре»), или демонстрируют технику, как, например, в последнем акте «Дон Кихота», когда Китри и Базиль танцуют виртуозные вариации, показывая все, что они умеют. Но, как правило, такого четкого разграничения сделать все же нельзя: душевное состояние героя мы также передаем при помощи сложных танцевальных движений, а демонстрируя виртуозность, стараемся окрасить ее настроением героев. Кроме того, танцовщик не может беспрерывно находиться на сцене, беспрерывно танцевать. А в фильме-балете это возможно.

Создавая «Галатею» и «Старое танго», мы, во-первых, постарались использовать все возможности, которые в отличие от сцены предоставляет экран. И, во-вторых, учитывали несколько иное восприятие зрителя. Мы стремились придать действию большую, чем это обычно в балете, экспрессию. Действие развивается непрерывно и очень быстро. Лирических отступлений от него гораздо

меньше, чем в обычном балетном спектакле. Гораздо больше пантомимных игровых эпизодов — и они не совсем такие, как в балете, но и не такие, конечно, как в обычном кино или в драматическом театре. Или, например, оформление, реальные вещи, с которыми приходится иметь дело в фильме. В балете чересчур похожее на жизнь оформление — выглядит, как правило, несколько фальшиво. И в самом деле — балет очень условное искусство и, если оформить его слишком натуралистично, сразу возникает противоречие: «Все как в жизни, а танцуют на пальцах. Так в жизни не бывает». А в фильме, как мне кажется, удалось это противоречие сгладить. В «Старом танго», например, мне приходится садиться в реальную автомашину, возить столик на колесах, разливать кофе, но все это вполне сочетается с образом мальчишки, которого я изображаю.

И все же это, конечно, балет. В первую очередь потому, что главное выразительное средство создания образов здесь все-таки танец. Представьте себе, что Элиза просто бежит по площадке, а не выдвигает при этом ногами различные уморительные движения. Это уже была бы «немая» Элиза. Тогда ей следовало бы говорить текст Шоу. А в «Галатее» она «говорит» своим танцем. Так же, как героиня «Старого танго» своими танцами рассказывает о своих девичьих мечтах и по-мальчишески озорничает. Так что это все-таки балет. Но балет, в котором очень много необычного, непривычного по сравнению со спектаклями, которые ставятся на сцене.

Выступая в «Кинопанораме», вы говорили о том, как трудно было учиться танцевать на каблуках. А еще какие трудности встретились вам в работе над телевизионными фильмами?

А. Бабаян
Камчатская область

Трудности, с которыми я столкнулась на съемках, можно разделить на два типа — трудности для балерины и трудности для актрисы. Как балерина я столкнулась с новым для меня танцевальным языком. Никогда в жизни, как я уже говорила, мне не приходилось танцевать на каблуках. Правда, в училище у нас был характерный танец, но, честно говоря, я не очень им увлекалась и пользовалась любым предлогом, чтобы сбежать с урока. О чем, конечно, во время съемок не раз вспоминала с сожалением. Впрочем, даже если бы я училась характерному танцу более прилежно, я все равно бы давно все забыла — ведь на сцене мне им пользоваться не приходилось. Вторая трудность, с которой я столкнулась как балерина, — это акробатические движения. Акробатических движений в современном балете немало — например, их много в партии Фригии, которую сочинил балетмейстер Григорович в своем «Спартаке». Тут и шпагаты, и перегибы, и высокие поддержки, когда партнер поднимает меня над головой на одной руке... Но мне все же никогда раньше не приходилось делать стойку на руке, или складываться пополам, или буквально стоять на голове, как в этих двух фильмах. Все это само по себе очень трудно исполнить, а ведь это приходится делать в образе, как бы между прочим. Кроме того, для меня, как для балерины, трудны крупные планы. В

балете актер очень удален от зрителя: залы оперно-балетных театров, как правило, очень большие да еще нас отделяет от зрителя оркестровая яма. Мимика лица поэтому рассчитана у нас на это большое расстояние и на крупном плане, наверное, показалась бы преувеличенной. А в кино все должно быть естественным.

Но самая большая трудность в кино — она возникает передо мной уже не только как перед балериной, но и как перед актрисой, пусть и хореографического театра, — это отсутствие при съемках строгой логики действия. Вам, наверное, приходилось слышать об этом от многих актеров театра, начинающих сниматься в кино. Вот я выхожу на сцену Большого театра в партии Жизели: я встречаюсь с Альбертом, влюбляюсь в него. Моя Жизель раскрывает перед ним свое сердце, она верит ему абсолютно, она надеется на счастье и вдруг удар — Альберт не тот, за кого себя выдает, у него есть другая невеста. Я постепенно психологически «подхожу» к трудной сцене сумасшествия, настраивая и себя, и зрительный зал. А в кино так: мы, например, сегодня, в первый съемочный день, снимаем финал и я должна сразу, не прожив жизни своей героини, сыграть ее итог. Никакой логики, никакого развития в съемках нет и психологически настроиться на нужную сцену очень трудно. Особенно, когда ты обращаешься к партнеру, а партнер вообще нет на съемочной площадке, потому что у него совсем отдельные кадры и их будут снимать уже без тебя. Конечно, хореографическую сторону я репетирую так же тщательно, как и в театре — тут никакого отличия нет. Ведь в танце, да еще в таком сложном рисунке, импровизировать невозможно. Надо все тщательно образом выучить, а уже потом все «забыть» и танцем говорить непосредственно от лица своего героя. Но в спектакле каждый танец психологически подготовлен всем развитием действия, а на съемках этого нет.

Ну и, конечно, трудно было соединять в единый образ все вместе — и танец на каблучках и на пальцах, и игру, и большие пантомимные куски. Все это было очень трудно и в тоже время очень интересно.

Когда смотришь телевизионные работы, особенно «Старое танго», невольно вспоминаешь немое кино, например, фильмы Чаплина. Ставили ли постановщики и исполнители перед собой задачу как бы «воскресить» немое кино или это получилось помимо их желания? Прежде мне казалось, что приемы немое кино безнадежно устарели, а теперь я, пожалуй, склоняюсь к мысли, что они исчерпаны еще далеко не полностью.

А. Кулиев
Азербайджанская ССР

В «Галатее» мы подобной целью не задавались, хотя многие приемы немое кино все же использовали. Но в «Старом танго» мы такую задачу поставили перед собой вполне сознательно. Нам хотелось воссоздать атмосферу старых фильмов с их смещением трогательно-го и смешного, с их непререкаемыми потасовками, переодеваниями и любовными сценами. Когда в «Старом танго» я появляюсь в котелке Чарли Чаплина, я, конечно, не ставлю себе задачу быть

на него похожей. Но я пользуюсь многими приемами, которыми пользовался Чаплин. Мне да и всей нашей съемочной группе кажется, что многие приемы немое кино, его пластическая выразительность совсем не устарели и еще могут использоваться с большим успехом. И мне приятно убедиться, что наши идеи дошли до зрителя через нашу работу. Мне кажется, что у немое кино, конечно, в его наивысших достижениях, есть много общего с балетным театром. И балет мог бы кое-что почерпнуть для своего обогащения из таких шедевров немое кино, как фильмы Чаплина, подобно тому, как он черпает многое из спорта — акробатики, гимнастики, из современных танцев и из многих других источников.

В статьях, посвященных вашим телеролям, в отзывах зрителей можно уловить удивление. Многие мои знакомые считают, что в них раскрылась совсем новая Максимова — яркая комедийная актриса. Было ли у вас прежде желание попробовать себя в этом жанре?

В. Герасимов
г. Москва

Желание поработать над комедийной ролью у меня было всегда. Как я уже говорила, именно это желание привело меня к партии Китри, в которой немало комедийных элементов. Но вообще настоящих комических балетов очень немного и так получилось, что за время моей работы в Большом театре на его сцене не ставились ни «Тщетная предосторожность», ни «Копелия». Поэтому в моем репертуаре не было ни озорной Лизы, ни остроумной находчивой Сванильды. Будь оба эти балета в репертуаре, я, наверное, с удовольствием поработала бы над этими образами. И все же, мне кажется, даже в комических балетах мне бы не удалось сделать всего, что я сделала на телевизионном экране. Ведь даже комический балет — это все же традиционный балетный спектакль, правда, более «земной», более похожий на реальную жизнь. А телевидению я благодарна не только за то, что мне предоставлялась возможность станцевать комедию, но и за возможность попробовать себя в том, чего я вообще на сцене театра не делала. Что касается исполнения мной комедийных ролей, то, как я уже говорила, много комедийного в партии Китри — она и веселится, и ревнует своего возлюбленного Базиля, и издевается над незадачливым богатым поклонником, и притворяется убитой горем — одним словом, комедийных ситуаций в этой роли достаточно, и с течением времени партия Китри стал одной из моих самых любимых ролей. Была у меня маленькая комедийная роль и на телевидении. Когда мы с Владимиром Васильевым снимались в телефильме «Дуэт», мы включили в него хореографическую миниатюру «Матч». Ее сочинил немецкий балетмейстер Том Шиллинг и нам пришлось как-то видеть ее в исполнении немецких танцовщиков. Она нам очень понравилась и мы с удовольствием разучили ее специально для телефильма «Дуэт». Сюжета в ней почти нет: это маленькая сценка — теннисный матч между робкой дебютанткой и опытным асом. Поскольку это комедия, то кончается она, конечно, победой дебютантки, которая не только выигрывает матч, но и завоевы-

вает сердце партнера. Мы там имитировали движения теннисистов, в руках у нас были теннисные ракетки, которыми мы отбивали воображаемый мяч. Нас привлекло в этой сцене не только комедийное содержание, но и большое количество необычных для балета спортивных и акробатических движений. Насколько можно судить, зрителям наша работа понравилась. А мы работали над этой сценкой с большим удовольствием. Я не вспоминала об этой работе, когда приступила к «Галатее», но теперь вижу, что она была в какой-то мере маленьким наброском к моим последним партиям.

Не знаю, назвать ли это удовлетворением или каким-то другим словом, но каждый раз, работая над фильмом, я испытываю к роли большой интерес и всякий раз радуюсь, когда удается ее завершить. Актёры знают — бывает так, что работа идет очень легко, радостно, а потом вдруг оказывается, что до зрителя все это не доходит. Как говорят актёры, «не перелетает через рампу». Не могу сказать, что в моей творческой жизни не было подобных ситуаций. И у меня случилось, что зритель не сразу откликнулся на что-то очень для меня дорогое, на какую-то сцену, над которой я работала с особенным удовольствием. Это очень обидно, но — что тут поделаешь. Счастье, что театр дает возможность углублять роль от спектакля к спектаклю. Мы в балете ведь никогда не прекращаем репетиционной работы. К каждому спектаклю мы репетируем всю роль — вариации, дуэты, всю танцевальную линию. Всю свою творческую жизнь я продлеваю эту работу под руководством Галины Сергеевны Улановой — великой балерины, замечательного педагога. Она умеет каждый раз подсказать новую деталь, увидеть такую подробность, которой никто больше не заметит. А в кино, то есть на телевидении, все иначе. Вот закончатся съемки, режиссер смонтирует фильм, и уже совсем ничего нельзя изменить. Хотя видишь теперь отчетливо, что это можно было сделать так, а это — совсем иначе...

Так что о чувстве удовлетворения говорить не приходится. И все же я испытала во время работы над этими фильмами столько нового, столкнулась с задачами, которых никогда не ставила передо мной моя сценическая деятельность. Если, приступая к этим работам, я испытывала большую неуверенность, то теперь я убеждена — надо пробовать делом! Как часто мы сами не подозреваем в себе каких-то качеств, да и окружающие не всегда могут нам это подсказать. Я очень благодарна режиссеру Александру Белинскому, который убедил меня взяться за эту работу. Я очень благодарна Ленинградскому телевидению, которое предоставило нам возможность эту работу осуществить. Я очень признательна всем, с кем мы вместе работали. И теперь, когда уже два фильма позади, я убеждена, что взялась бы за эту работу, даже если бы знала, что не все получится. Эти работы мне очень дороги.

После демонстрации «Галатеи» по телевидению я стала получать очень много писем из таких мест, откуда прежде не получала. Мне пишут зрители, прежде балетом не интересовавшиеся, и это еще одно подтверждение, как мне кажется, того, что мы правильно поступили, взявшись за эту работу.

**НА ВКЛАДНЫХ
ПЛАСТИНКАХ
НОМЕРА**

Первая и вторая
стороны второй
пластинки:
«Эта звенящая тишина»...
Открытый урок:
репетиция самодеятельного
Камерного хора
хорового общества
Новосибирской области

ТВОРИТЬ В РАДОСТИ

НОВОСИБИРСКИЙ КАМЕРНЫЙ ХОР, НЕСОМНЕННО, ЯВЛЯЕТСЯ КОЛЛЕКТИВОМ ВЫСОКОЙ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

В. Соколов,
народный артист СССР, председатель правления Всероссийского хорового общества, лауреат премии Ленинского комсомола

КАМЕРНЫЙ ХОР НОВОСИБИРСКОГО ХОРОВОГО ОБЩЕСТВА — ПРЕВОСХОДНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОЛЛЕКТИВ — ГРОЗА ПРОФЕССИОНАЛОВ.

Н. Кутузов,
народный артист РСФСР, художественный руководитель академического хора русской песни Всесоюзного радио

...ОБЪЕДИНЕНИЕ ЛЮБИТЕЛЕЙ, ПО КЛАССУ НЕ УСТУПАЮЩЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ КОЛЛЕКТИВУ, КАК ОНИ ДОБИВАЮТСЯ СТОЛЬ ВЫСОКИХ РЕЗУЛЬТАТОВ — РУКОВОДИТЕЛЬ, УЧАСТНИКИ ХОРА! ВЫ УЗНАЕТЕ ОБ ЭТОМ, ПРОЧИТАВ СТАТЬЮ НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА В. СОКОЛОВСКОГО И ПРОСЛУШАВ ПЛАСТИНКУ. ИТАК.

Поет хор... Древнейшее это искусство получило сегодня новые стимулы для своего развития. Десятилетиями хоровое исполнительство в нашей стране тяготело к крупным, масштабным формам. Но в последние 10—15 лет наметилась характерная тенденция: появление значительного количества небольших, камерных хоровых коллективов. Эта тенденция сопутствует всей современной музыке: ее жанры дифференцируются, отвечая современным вкусам и культурным запросам людей, их потребности в гибких и мобильных формах искусства, чутко реагирующих на требования времени.

Кроме того, камерный коллектив отличается индивидуализированной манерой

исполнения: здесь нет дублирующих партий. А значит, виднее человек со всеми его тонкими душевными движениями. И это так соответствует жгучему нашему желанию проникнуть в сложный внутренний мир современника...

Итак, камерные хоры должны были появиться. Вывод этот подтверждается и стихийностью рождения подобных коллективов: почти все они возникли и возникают как самодеятельные, любительские.

— Внимание, новости! Владимир Николаевич Минин, руководитель прославленного Московского камерного хора, приглашает нас для совместного выступления на премьере сочинения композитора Свиридова «Пушкинский венок». Рады? Что ж, тогда за работу!

Где находится центр мира?

...То выступление в Большом зале Московской консерватории прошло блестяще. Но сейчас речь пойдет о его предыстории и предыстории всех других выступлений хора, которых за 10 лет его существования было, конечно, немало. То есть о том, что скрывается за столь традиционным возгласом «за работу!» В этом мы и попробуем разобраться, а начнем, как водится, с биографии.

Коллектив родился в 1969 году. Тогда студенты Новосибирской консерватории, будущие дирижеры-хоровики, создали камерный хор, вернее, его ядро. Затем стали приглашать всех желающих — просто тех, кто хотел петь. Люди пришли. Одни были с музыкальным образованием: педагоги, музыковеды, музыканты, другие — без: рабочие, инженеры, ученые из Академгородка.

В то время, за исключением Прибалтики, камерных хоров практически не было. Жанр только формировался. В этих условиях важно было четко определить свой путь. Очевидно, новосибирцы это сделали: через год после образования хора, в 1971-м, выступая в Москве, в институте имени Гнесиных, они обратили на себя внимание аудитории, состоящей из профессионалов.

Затем... Затем хор исчез. Для широкой публики, конечно. Шла творческая кристаллизация — сложный внутренний процесс, потребовавший годы труда. Редки выступления, редки гастрольные поездки.

И вот наступил 1977 год. Москва, III съезд Всесоюзного хорового общества. В зале специалисты из специалистов — дирижеры, преподаватели музыкальных учебных заведений, теоретики, композиторы. В отведенные двадцать минут певцы из Новосибирска вложили все накопленное за восемь лет непрерывной работы, и пристрастные зрители были покорены...

Покорены прежде всего самобытностью репертуара, содержащего произведения советских композиторов, в том числе современных сибирских авторов, малоизвестные сочинения мастеров эпохи Возрождения и хоровую западно-европейскую и русскую классику, и отличным владением разнообразными стилями пения. Хор продемонстрировал умение петь от пианиссимо (очень тихо) до форте (громко) без нарушения других качеств исполнения — чистоты инто-

нирования, ансамбля, красоты пения, что дается нелегко даже профессиональным коллективам.

...Когда через некоторое время решался вопрос о том, кого послать в Венгрию, на VIII Международный хоровой фестиваль имени Белы Бартока (в нем участвуют непрофессиональные коллективы), выбор пал на Новосибирский камерный.

...Лето 1978 года, залитые солнцем улицы венгерского города Дебрецена. Двигаются по ним колонны людей в ярких костюмах. И вот на площади уже хор из 4000 человек. Именно столько певцов приехало из 15 стран.

Насыщенная программа, калейдоскоп коллективов, исполнительских манер, репертуарных находок, выступления, выступления и — сенсация!

В категории «Музыка XX века» побеждает никому неизвестный хор из далекой Сибири. Да еще как побеждает — с небывалым для истории фестиваля отрывом от ближайшего соперника на пять баллов!

Помимо технических совершенств сибиряки поразили широкой, мощной — под стать своему краю! — манерой исполнения. Исходящая от них энергия захватила публику. Их долго не отпускали, стены зала сотрясала овация.

«Мы счастливы выразить свою признательность и благодарность академическому хору города Новосибирска — по отношению к нам находящегося где-то там, на краю света, — посланцы которого уверенно, будто из самого центра мира, атакуют выдающимся мастерством и совершенством исполнительского искусства», — писали в те дни венгерские газеты.

Как они это делают, или три кита, на которых все держится

— Саша, в этом месте понадобится несколько колючих, злой смех. Хэ-хэ-хэ-хэ-хэ! С издевкой! Попробуй.

— Нет, близко к тому, что нужно, но не то. Ты не чувствуешь характер. Сделай это напористее, пронзительнее.

— Нет, не годится: получается что-то от фаустовского Мефистофеля. Сарказм, но он у тебя гипертрофирован. Надо спокойнее.

МЕТОД: ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ ПЕВЦА.

(Мысли из записной книжки руководителя хора.)

«Обычно в хорах репетируют партиями. Для любительского коллектива с его неизбежной «разношерстностью» это не подходит — музыкальное образование, вокальные данные у всех разные.

Задача индивидуального воспитания: подтянуть всех участников хора к единому уровню мастерства. В хоре не должно быть ведущих и ведомых, это собрание равно ярких индивидуальностей. Здесь никто не чувствует себя второстепенным и ущемленным.

Творить можно только в радости! Сверхзадача: помочь исполнителю «открыть глаза» на самого себя, осознать — порою с удивлением — свои возможности».

...Удивительно интересно перелистывать страницы этой записной книжки. Она полна тех самых «простых» истин, услышав которые говорят: «а как же иначе!», а приходят к ним обычно путем

долгим, мучительным, обжигаясь, пробуя, снова обжигаясь, снова...

И, вникая в архитектуру метода, постепенно проникаешься чувством уважения, которое всегда возникает при соприкосновении с высокой культурой дела, когда перед тобой встает стройная, изящная конструкция и видно четкое взаимодействие отдельных ее частей.

Вот, например, один из рабочих документов — «творческая характеристика исполнителя», где отмечаются такие его качества, как «контактность», конечно же — «вокальные и актерские данные», кроме того фиксируются психологические особенности, увлечения вне хора и т. д. Эта характеристика служит отправной точкой в работе хормейстера, я цитирую его записи:

«От характеристики я перехожу к составлению плана индивидуальной работы. В нем — задачи на ближайший период, решаемые по принципу постепенного преодоления трудностей.

Однако следует включать и сочинения, значительно превосходящие в настоящий момент возможности отдельных певцов. Это позволит им заглянуть в свой завтрашний день!

Итак, наша работа в целом и над каждым отдельным сочинением построена по принципу: от индивидуального к коллективному. Планирование творческого роста певца и постоянный контроль за реализацией планов — залог развития потенциала всего хора».

...И опять-таки краеугольный принцип кажется простым и логичным, но какой ценой хор выстрадал его! Сколько в первые годы ушло из коллектива не выдержавших «постоянного контроля». И сколько — парадокс — ушло далеко подвинувшихся в своем развитии певцов — им становилось неинтересно, поскольку общий уровень был ниже. Хор «раскачивался» стоя на месте, творческое ускорение равнялось нулю. Возникла альтернатива: либо набирать только хороших вокалистов, либо, оставаясь на прежних позициях, поставить под угрозу само существование творческого объединения. Первый вариант был сразу отброшен как неприемлемый для любительского коллектива. Второй, естественно, никого не устраивал. Нашли третий — метод, позволивший выйти из «мертвой точки» — тот самый, о котором поведали нам записи руководителя.

В биографии хора говорилось о периоде «творческой кристаллизации», растянувшегося на годы. Именно в эту пору шли поиски принципов работы, организации, закладывание прочного фундамента. Быть может, кому-то «время инкубации» покажется чрезмерно большим, но ведь не надо забывать, что новосибирцы одними из первых пробивали никем еще не хоженные тропы.

СТРУКТУРА: АНСАМБЛЬ.

Еще один основополагающий принцип — организационный. Вот что пишет о нем хормейстер:

«Три-четыре десятка людей не могут быть все психологически совместимы друг с другом. Для создания на репетиции каждому певцу комфортной обстановки необходимо объединить в микрогруппы духовно близких людей.

Ансамбль — маленькая ячейка внутри хора. Это — рабочее объединение, ремесленная структура коллектива.

Техническое требование: голоса участ-

ников должны подходить друг к другу, чтобы можно было добиться художественного эффекта. Это будет скреплять ансамбль как творческую единицу.

Главная цель: при положительном микроклимате в ансамбле он должен существовать как внутренне сложное, противоречивое единство ярких и многогранных человеческих характеров. Подобно истине научной, истина творческая здесь рождается в столкновениях, спорах и конечном единении разноплановых подходов.

...Почему-то эти слова — «психологическая совместимость» — у нас обычно ассоциируются с космическими полетами или подводным плаванием. Однако сложность творческих задач, общая неделимая работа и долгие годы чуть ли не ежедневного общения требуют психологического комфорта и здесь, в хоре.

Конечно, ансамблевая структура уже известна — ее применяют, например, руководители больших оркестров: в ансамбле легче выявить творческую индивидуальность исполнителя, сконцентрировать внимание на недостатках и впоследствии сэкономить время сводных репетиций. Однако в применении к любительским коллективам это ново: не у всех руководителей хватает терпения в постоянно меняющемся коллективе снова и снова кропотливо «подгонять» друг к другу индивидуальности. Для этого необходим уже не просто деловой подход, а крайняя степень увлеченности своим делом. Конечно, подобные расхождения окупаются сторицей — мы читаем дальше в записной книжке:

«...А иногда вдруг кто-то в ансамбле выдает такую красоту, какую в хоре и не заметишь! Ансамбли — творческие аккумуляторы хора». И резюме:

— **Итак, ансамблевая структура хора — гибкая, меняющаяся, но стабильная в одном — в непрерывном стремлении к творческому поиску.**

— **Фортеле! Я же прошу вас, форте!..**

— **Нет! Не такое. Обворожительное форте!..**

— **Стоп! Нет! Тысячу раз повторим, пока не получится характер!**

...Кажется, уже существуют приборы, способные измерять излучаемую человеком психическую энергию. Интересно было бы установить их в зале, где репетирует хор. Мы увидели бы мощнейшие потоки этой энергии, исходящие из центра, геометрического фокуса хора — точки, где стоит дирижер.

РУКОВОДИТЕЛЬ ХОРА.

Краткая биографическая справка: Борис Певзнер — дирижер и художественный руководитель хора. Окончил в 1965 году консерваторию в Новосибирске по классу хорового дирижирования. Два года работал дирижером-хормейстером в Ленинградской государственной академической капелле имени Глинки. Одновременно учился заочно в аспирантуре Государственного музыкально-педагогического института имени Гнесиных. По окончании учебы вернулся в Новосибирск. Здесь вел хоровой класс в консерватории и одновременно учился в классе оперно-симфонического дирижирования.

«Творческие гены»: в консерватории и аспирантуре занимался у одного из ведущих деятелей советского хорового искусства Владимира Николаевича Минина.

ТРИ ВОПРОСА РУКОВОДИТЕЛЮ.

— Что это такое — современный хормейстер?

— Сферы знаний, которые нужны хормейстеру, столь многообразны, что их трудно перечислить... Он не только дирижер, но и организатор, идейный руководитель, знаток музыкального творчества и истории искусств, преподаватель сольфеджио и музыкальной грамоты.

Ему необходим артистический дар. Он должен быть тонким психологом и, конечно, воспитателем.

— Каковы особенности работы с любительским коллективом?

— Приходится работать намного больше, чем руководителю профессионального хора — выравнивать исполнительские характеристики, подтягивать к профессиональному уровню.

— Вы — высокопрофессиональный музыкант. У вас накопление творческого потенциала идет, несомненно, быстрее, чем у коллектива. Нет ли здесь противоречия?

— Да, вы правы. И в то же время нет. Конечно, хочется заниматься с хором не три раза в неделю, а каждый день, хочется осваивать все более сложные сочинения... Но для любительского коллектива есть определенный репертуарный барьер, сопряженный именно с недостаточной интенсивностью репетиций. Помню, мы попробовали петь «Мадригальные комедии» Орацио Векки — очень сложные. До кондиции довести так и не смогли. Поэтому приходится идти не вглубь, а вширь — в сторону расширения репертуара.

Однако это противоречие все-таки не столь трагическое, сколько движущее. Ведь, например, из электротехники известно, что чем больше разница потенциалов, тем выше напряжение. То есть с тем большей энергией я стараюсь подтянуть людей к себе, зарядить их всеми возможными способами таким же вольтажем.

Наконец, здесь на меня работают плюсы именно любительского объединения: энтузиазм и одержимость его участников, их духовная потребность творить. Да с такими людьми можно горы свернуть! Вообще, я люблю их очень.

...Есть еще и четвертый кит

Конечно, это люди, работающие в любимом для них искусстве истово, самоотверженно и очень серьезно. Я видел слезы на лице девушки, которая по каким-то причинам не могла прийти на несколько следующих репетиций: она боялась отстать от своих товарищей. Я слышал, как один из хористов спокойно и твердо отказался от престижной поездки в Москву (той самой, когда новосибирцы выступали с хором Минина на премьере сочинения Г. Свиридова) — он считал себя недостаточно подготовленным. Наконец, я видел, сколько они работают — допоздна, до тех пор, пока не начинают переминыться у дверей репетиционного зала сторож — «не худо бы запереть».

Впрочем, все это стало уже типичным для любительских коллективов высокого класса. Думаю, что под словами Анатолия Хромова, участника хора и кандидата технических наук, могли бы подписаться многие. А ответил он на мой во-

прос: «что для вас хор?» — следующее: «Это такая же составляющая моей жизни, как и работа, которую я очень люблю. Это тоже работа — трудная и радостная».

Открытый урок

Тема урока: сводная репетиция. Работа с партиями и солистами.

Ведет урок Борис Певзнер.

— Учебным материалом нам послужит сочинение новосибирского композитора Захара Бляхера. Называется оно «Причудливое пение» и звучит действительно очень своеобразно: здесь и сонорные эффекты, и очень контрастные звучания, и такие чисто сибирские элементы, как горловое пение. Кстати, именно это сочинение мы возили на фестиваль в Венгрию.

Интересна партитура, содержащая наряду с традиционными группами нот особого рода графические символы, значки, которые ориентированы певцов на импровизацию, — тем более, что отсутствие поэтического слова дает полный простор для самовыражения голосом. Словом, это современная вещь для современных исполнителей.

Идея? Как-то один зритель подошел ко мне и сказал: «У меня возникло ощущение, что вы протестуете против нейтральной бомбы...» Действительно, это протест — против всего, что угрожает жизни, против античеловечности, и в то же время утверждение радости и красоты жизни.

Чтобы было ясно место нашего занятия в общем процессе подготовки этого сочинения, отмечу, что этап индивидуального разучивания уже пройден, теперь необходимо выстроить планы партий — басов, сопрано и т. д. и найти необходимый колорит в их звучании с солистами.

Итак, сейчас прозвучит там-там, с которого начинается исполнение сочинения и...

(Продолжение урока — на первой стороне второй пластинки. На второй ее стороне разучиваемое сочинение записано в «готовом виде». Кроме того, здесь вы сможете услышать одну из лучших работ хора — старинную лирическую миниатюру «Моя дорогая мадонна».)

ВОПРОС К РУКОВОДИТЕЛЮ ХОРА ПОСЛЕ УРОКА:

— Что отделяет результат, полученный на уроке, от законченной работы?

— Это еще «черновой» результат. Определив его, я возвращаюсь на нижний уровень репетиционного процесса — индивидуальный. Шлифую детали и опять свожу все вместе. Так, по спирали, идем к последнему прогону.

...Все-таки жаль, что пока еще на пластинку нельзя записать и видеоряд. Надо видеть их «Причудливое пение» — это маленький трехминутный спектакль.

...В полумраке сцены — хор. Головы опущены вниз. Луч прожектора выхватывает руку с там-тамом. Сейчас прозвучит удар. Миг — и вступает хор. Зал наполняется «звенящей тишиной». И вдруг — звуковой всплеск, руки хористов вздымаются вверх — эффект потрясающий.

Они — артисты.

РЕЙД ПО СЕЛЬСКИМ УЧРЕЖДЕНИЯМ КУЛЬТУРЫ

Идет II Всероссийский рейд проверки готовности сельских учреждений культуры к работе в осенне-зимних условиях

С 1 июня начался II Всероссийский рейд проверки готовности сельских учреждений культуры к работе в осенне-зимних условиях. Он будет проводиться не два месяца, как это было в минувшем году, а четыре, то есть по 30 сентября 1979 года включительно.

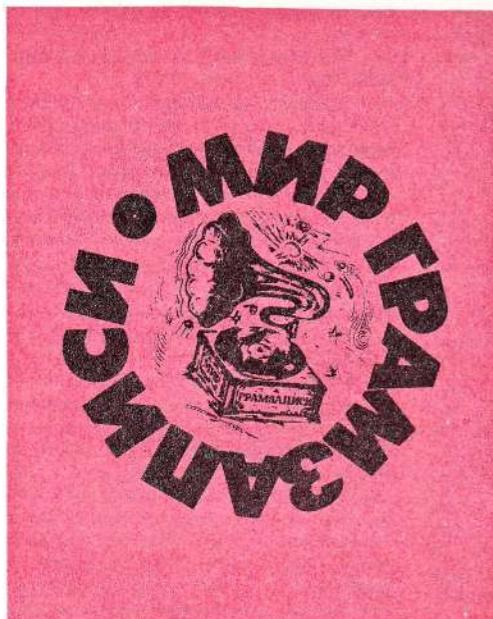
Основные задачи рейда — привлечь внимание широкой общественности, комсомольцев и молодежи, хозяйственных руководителей к вопросам значительного повышения эффективности и качества деятельности каждого сельского учреждения культуры в свете требований постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению культурного обслуживания сельского населения» и постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию самодеятельного художественного творчества». Привлечь особое внимание к проблемам укрепления материальной базы и кадров специалистов культурно-просветительных учреждений, своевременной подготовке к зиме.

В отличие от I Всероссийского рейда программа проведения II рейда значительно расширена. Важным условием проверки являются вопросы дальнейшего улучшения культурного обслуживания на селе, централизации руководства клубной работой в сельской местности, вклада комсомольских организаций в подъем культуры села, а также художественного оформления зданий и обеспечения мер сохранности материальных ценностей.

Проверке подлежат также выполнение планов капитального строительства районных Домов культуры, клубов в совхозах и колхозах и прежде всего вводных объектов 1979—1980 годов, осуществление капитального и текущего ремонта учреждений культуры, благоустройство и озеленение их территорий, приведение в надлежащий порядок отопительной, осветительной, водопроводной и канализационной систем, противопожарных средств защиты и т. д.

Расширен перечень проверяемых объектов. Проверяются не только Дома культуры, клубы, библиотеки, музеи, киноустановки, но и памятники истории и культуры, спортивные сооружения.

В число учредителей II Всероссийского рейда проверки готовности сельских учреждений культуры к работе в осенне-зимних условиях, кроме Министерства культуры РСФСР, Министерства сельского хозяйства РСФСР, Госкино РСФСР, ЦК профсоюза работников культуры, республиканского комитета профсоюза работников сельского хозяйства РСФСР, вошли ЦК ВЛКСМ, Спорткомитет РСФСР, общество «Знание» РСФСР.

НОВИНКИ ФИРМЫ „МЕЛОДИЯ“

Нынешнее лето на редкость богато новинками, которыми Всесоюзная фирма «Мелодия» радует миллионы собирателей грампластинок, причем новинками на все вкусы, во всех жанрах грамзаписи.

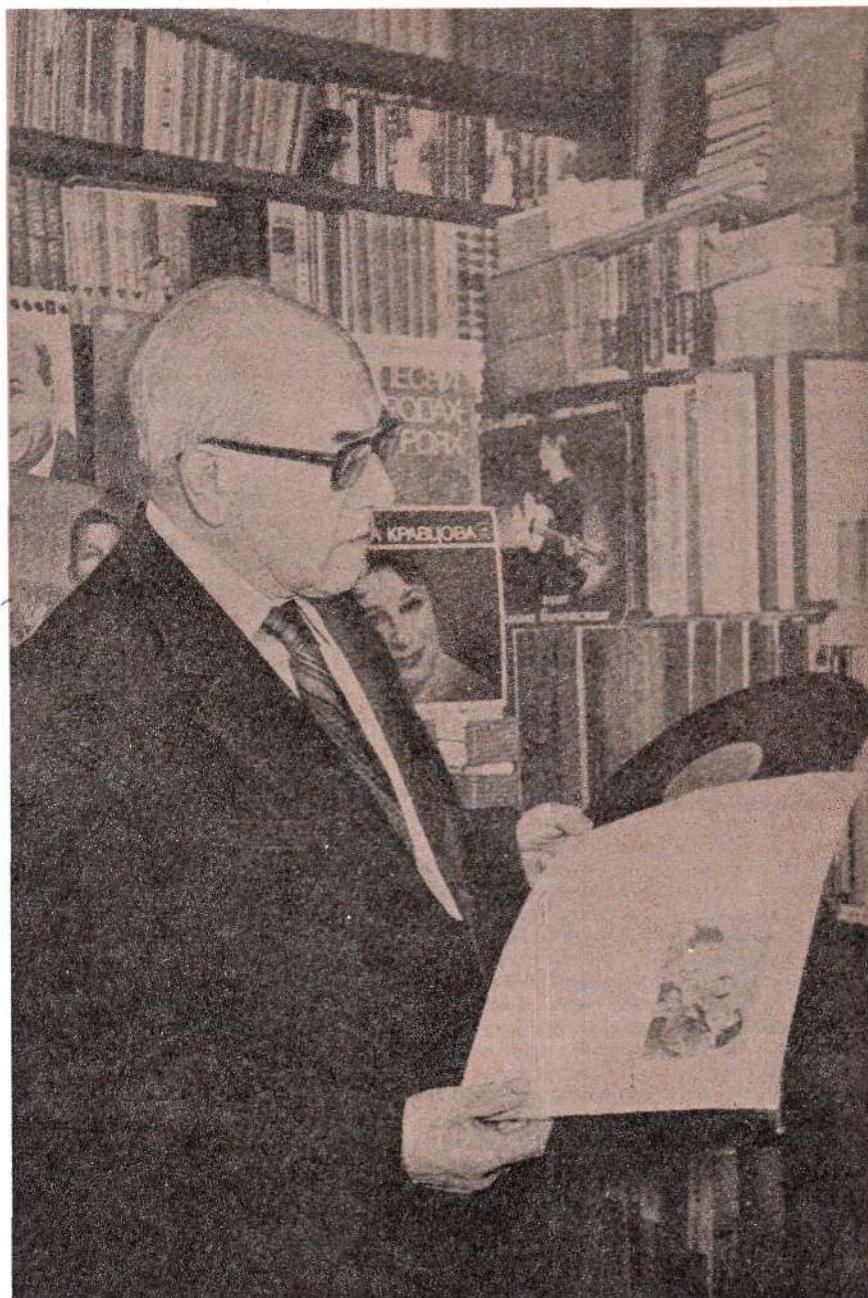
Вот только некоторые из них, на наш взгляд, наиболее значительные.

Архивные записи:

А. Брукнер: Симфония № 4 ми-бемоль мажор «Романтическая»;

И. Брамс: Симфония № 3 фа мажор, соч. 90. Берлинский филармонический орк. п/у Г. Кнаппертсбуша (запись из концертного зала).

Н. Метнер: Две новеллы для ф-но из соч. 17—№ 1 соль мажор, № 2 до минор. Концерт № 2 для ф-но с орк. до

минор, соч. 50. Исполнители: Н. Метнер, Лондонский орк. «Филармония» п/у И. Добровейна.

«Дирижер Василий Небольсин» (две пластинки). Записи 1938 и 1955 гг.

«Дирижер Вильгельм Фуртвенглер» (записи из концертного зала).

Иван Бурлак (баритон). Арии из опер.

Мирон Полякин (скрипка), 3 пластинки.

Элизабет Шварцкопф (сопрано). Песни и дуэты.

Изабелла Юрьева. Старинные романсы и песни.

Новые записи:

«Симфонические миниатюры». Исп.: ансамбль солистов Ленинградской гос. филармонии п/у Г. Рождественского.

«Тысяча лет музыки» (две пластинки). Исп.: ансамбль солистов, ансамбль старинной музыки «Мадригал».

Елена Образцова (меццо-сопрано). Арии из опер.

«Камерный хор Московской гос. консерватории», дирижер Валерий Полянский. В программе: Д. Бортнянский — Концерты № 15, 16, 19, 24, 30.

Джазовый ансамбль п/у Игоря Бриля. «Утро земли» (джазовые композиции).

Николай Громин и Алексей Кузнецов (гитары), джазовые композиции.

Оркестр и вокальная группа «Диско» п/у Игоря Петренко.

Джаз-оркестр, худ. рук. и дирижер Иосиф Вайнштейн.

Вокально-инстр. ансамбль «Песняры», рук. Владимир Мулявин. Белорусские народные песни.

Вокально-инстр. ансамбль «Орфей», рук. Рафаэль Мазитов. Песни советских композиторов.

Мужской вокальный октет Литовского телевидения и радио п/у П. Вайчекониса. Народные песни разных стран.

Трио современной джазовой музыки: Вячеслав Ганелин, Владимир Чекасин, Владимир Тарасов. «Концерто грассо».

Ансамбль «Фикс», худ. рук. Вайно Ланд. Песни эстонских композиторов.

Песни на стихи Булата Окуджавы (из кинофильмов).

В следующих наших выпусках «Мира грамзаписи» мы расскажем о некоторых из этих новинок подробнее.

Пишущий амура пишет крышу

Б. ГЕНЕРАЛОВ, инженер, фонофонист

Павлов принимал ухом к динамикам, перематывал пленку, снова включал, придирчиво вслушиваясь в старую запись.

— Просили редкости дать, — добродушно ворчал Александр Евгеньевич под аккомпанемент далекого голоса, певшего о состарившейся хозяйке и ее верной паре гнедых. — А будут ли они эту самую редкость слушать?

Этот же вопрос задаю во Дворце культуры имени Ленсовета организатору вечера «50 лет одной коллекции» Н. Ростовцевой.

— От нас, — сказала она, — люди, естественно, ждут чего-то уникального, чего не купишь в магазине и не услышишь у знакомых...

Да, в коллекции Павлова более 20 тысяч наименований, многие пластинки помечены знаком старинной фирмы «Пишущий амура». Любитель оперы найдет среди них самые прославленные имена и совершенно забытых исполнителей, для почитателей русской и советской эстрады и вовсе раздолье — от дореволюционных куплетистов «Бим-Бом» до Аркадия Райкина, от кафешантанов оркестров до первых советских джазов Я. Скоморовского и Л. Утесова. А сколько увлекательных историй, связанных с поиском пластинок, хранит память коллекционера...

Слышали ли вы имя итальянского певца Франческо Маркони? Наверняка, нет. До появления Карузо он входил в тройку самых выдающихся теноров мира. Часто приезжал и в Россию, пел в Петербурге, Москве, Одессе и был ценим здесь не меньше, чем на родине. Он не любил граммофона и напел совсем немного пластинок. Для коллекционера нет большей чести, чем иметь хотя бы одну из них... С рассказа о Маркони начинается вечер.

— Любопытно, — говорит Павлов, — что опытный артист в одной арии оперы «Гугеноты» постоянно давал «петуха». Этот срыв вызывался вовсе не вокальной немощью певца, а из-

бытком чувства, излишней впечатлительностью артиста. Рассказывают, что, наконец, во время одного из представлений Маркони упрямый оркестр звонить изо всех сил в колокола, которые по сюжету дают сигнал к началу избияния протестантов в ночь святого Варфоломея. Колокола нужны были Маркони, чтобы сорванная нота не дошла до публики. Уверенный, что никто его не услышит, Маркони неожиданно взял самую блестящую за всю карьеру верхнюю ноту. И едва кончился акт, как он ринулся скандалить с дирижером: «Что за дурацкая манера — так бухать в колокола! Единственный раз в жизни эта нота у меня получилась — ты же сделал все, чтобы ее никто не услышал!»

Я видел у Павлова пластинки этого экстравагантного тенора. Александр Евгеньевич долго «охотился» за ними. Но владельца дисков и разговаривать не хотела.

— Сама не слушала и другим не давала, — сокрушается Павлов. — Обидно было до слез. Каждый раз приезжал к ней в Москву с надеждой: может, надумала. Однажды встречаю у ее подъезда мужчину — с самым решительным видом направляется он к помойке, в руках два ведра, а в них... пластинки. Оказалось, хозяйка умерла. Еще бы минута, и вряд ли вы смогли бы сейчас услышать любимца Петербурга.

Павлов нажимает клавишу магнитофона, и звонкий тенор, прорываясь сквозь завесу помех, летит в зал.

Слушатели довольны. Довольны и рассказом Александра Евгеньевича, и редкой записью, и тем, что в полумраке сцены коллекционер, высветленный лишь лучом света, кажется им сидящим совсем близко, почти рядом.

— Скажите, — спрашивает у Павлова молодой человек, по виду студент, — в антологию Шалапина, выпущенную фирмой «Мелодия», вошли все записи певца?

— Далеко не все, да это и невозможно, — отвечает он. — Могу познакомиться с одной из «не вошедших». У этой пластинки тоже история.

В сороковых годах на Ленинградском радио я встретил пожилого представительного мужчину. Лицо его казалось знакомым. Кто-то шепнул мне на ухо: «Касторский». Это был единственный в России соперник Шалапина. Бас звонкого, словно хрустального тембра... Мы познакомились. Касторский рассказал мне, что для парижских гастролей Федор Иванович напел на французском языке «Вакхическую песню» Глазунова. Пластинку отправили во Францию, одновременно она появилась в России. Шалапину посыпались возмущенные письма соотечественников:

«Петь по-французски русское произведение — кощунство! Тогда артист поставил знаменитой фирме «Пишущий амура» условие: всегда записываться только на языке оригинала. Но вскоре началась война с кайзеровской Германией и романс Шуберта «Приют» Шалапин не захотел петь по-немецки. Пластинку сняли с тиража. Сохранилось лишь несколько пробных отпечатков с белой этикеткой, на которой безвестный звукотехник вписал имя исполнителя и название произведения».

Со сцены звучал шубертовский «Приют», и я вспомнил утренний разговор с Павловым. Александр Евгеньевич заводил для артистки Росконцерта Татьяны Саперовой пластинки Вальцевой и Паниной. Всякий раз приезжая в Ленинград, она заходит к Павлову слушать «цыганщину».

Я произнес тогда это слово невпопад. В большом светлой с высоким потолком комнате, где мы сидели, звучал необычный голос — один из тех низких женских голосов, который когда-то называли «колдовским».

— Варя Панина, — с нежностью произнес Павлов, пряча старинную пластинку в такой же старинный конверт из плотного картона. — С ней умерла целая эпоха подлинно цыганского пения. Как-то, — продолжил коллекционер, — художник Корвин сказал Шалапину: «А знаешь, Федор, есть человек, который поет лучше тебя». — «Не может быть. Кто же это?» — «Цыганка одна, — отвечал Корвин, — Варя Панина. В «Стрельне» поет...» Так-то. А вы говорите, «цыганщина»...

Можно по-разному относиться к цыганскому пению, — продолжал Павлов, — но мне кажется, тайна его эмоционального влияния на слушателей по-настоящему не раскрыта.

Между прочим, — добавил он, — цыганскому романсу отдал дань многие оперные певцы. Шалапин, например, очень любил петь «Очи черные».

Когда Александр Евгеньевич пошел проводить гостью, я не удержался, раскрыл объемистую папку, увидел свидетельство того, как уникальная коллекция вывела коллекционера на широкую культурно-просветительскую деятельность.

Письма, благодарности, программы... Сейчас коллекционер ведет цикл лекций «50 лет одной коллекции» в Ленинградском театральном музее: кроме того, Павлов член совета содействия музею: в его обязанности входит розыск нот, книг, пластинок. В фондах музея хранится более тысячи павловских дисков с записями выдающихся оперных певцов прошлого.

— Значит, — сказал я ему, —

проблема сохранения фонотеки решена?

— Не совсем. Я, как видите, стар. Также в преклонных годах мои коллеги-пластиничники, а хранить эстрадную фонотеку музей отказывается: он же театральный. Вот и с институтом театра, музыки, кино тоже не нашли общего языка — нет необходимого помещения...

Что делать эстрадникам? Я задавал себе этот вопрос, сидя в зале Дворца и всматриваясь в лица сидящих рядом людей. Равнодушных не было, да и не могло быть, потому что в зале звучали голоса артистов эстрады блокадного Ленинграда: Е. Флакса, В. Свидаерской, А. Егоровой. А потом прозвучал романс «Хризантемы» в исполнении Софьи Преображенской.

.. В один из дней блокады Павлову, который заведовал заводским радиоузлом, передали, что его хочет видеть тяжело раненный боец. В заводской поликлинике размещался госпиталь. В одной из палат Павлов увидел лежащего на кровати немолодого человека. У него не было рук и ног. Он хотел послушать музыку. Александр Евгеньевич поставил патефон. Лицо раненого оставалось мрачным. Наконец, он сказал:

— Я хотел бы послушать свою любимую артистку. Софью Петровну Преображенскую.

— Сейчас поставлю, — сказал Павлов. — Вот оперные арии...

— Я бы хотел не арии, — возразил боец. — Если можно, старинные романсы.

— Но Софья Петровна не исполняет старинных романсов, — начал, было, Павлов. .. Раненый посмотрел на него и с усилием улыбнулся. — Поет она, — произнес он, — обязательно поет. Павлов задумался.

А через несколько дней в госпиталь пришла высокая статная женщина. Это была Софья Преображенская. Она села у постели бойца и больше часа пела ему те романсы, которые он хотел услышать. Морщины на лице воина разгладились. Когда артистка вышла из палаты, по ее щекам текли слезы. Тогда, у постели бойца, Павлов незаметно записал эти романсы, которые, быть может, стоят целой коллекции.

А 2 мая 1943 года, — продолжает вспоминать Павлов, — по Ленинградскому радио передавали оперу Россини «Севильский цирюльник». Мне удалось записать эту передачу...

Александр Евгеньевич тихо рассказывает о мужестве людей, сумевших, хоть и на короткое время, заставить ленинградцев забыть о блокаде, голоде, лишениях. Например, об Александре Толмазане, певшем партию веселого влюбленного графа Альмавивы, в то время, как сам он от истощения еле

держался на ногах. Перед микрофоном артиста поддерживали с двух сторон.

Александр Евгеньевич еще долго стоял на сцене, хотя вечер уже кончился. Его окружили люди...

— Павлову давно пора создать условия для постоянных

выступлений, — с энтузиазмом сказала заместитель директора Дворца по политико-массовой работе А. Черкасова. — В аншлагах я уверена. А что касается хранения его фонотек, — добавила она, — что ж, стоит подумать.

Ленинград

ЧИТАТЕЛИ ПИШУТ

«Увлекаюсь я серьезной музыкой. Живу в деревне, где практически достать пластинок с такой музыкой нельзя. Одна надежда на Посьлторга. Но таким способом я приобретаю «кота в мешке». Очень многие пластинки «заикаются», имеют «волнистость», щелкают и т. д. Например, около 7—8 лет назад я начал искать Шестую симфонию Чайковского, а когда мне эту пластинку прислали, то она оказалась бракованной».

Сергей Свиженко,
Алтайский край,
село Урюпино.

Не успели мы ответить на это письмо, как от Сергея Свиженко пришло второе:

«Я вам уже писал о том, что в каждой партии пластинок, выслаемой Апрелевской базой «рекорд». Концерты Генделя (комплект из пяти пластинок) я отправил обратно: они оказались настолько коробленными, что прослушивать их невозможно. Четыре остальные слушать можно, но они щелкают, скрипят, шипят и т. п. Но отослать их я не решился, так как один раз ставил их на диск проигрывателя и на базе могут сказать, что брак по моей вине. Девять из девятнадцати! А ведь скольким из заказчиков Апре-

левской базы приходит по одной бракованной пластинке! И они не отсылают ее, потому что вроде неудобно беспокоить людей из-за такого «пустяка».

«Я очень часто бываю в Вознесенске с целью приобретения для нашего Дома культуры пластинок, но каждый раз, попадая в магазин «Платан», я вижу фактически пустые витрины (ведь несколько дисков десятилетней давности не в счет). У меня сложилось такое мнение, что дирекцию нашего магазина несколько не волнуют вопросы продажи и распространения грампластинок. Об этом свидетельствуют пустые витрины. Где же Дому культуры приобретать пластинки?»

Виктор Архипов,
директор Дома культуры
«Юность»,
Вознесенский район
Николаевской области.

От редакции. Нельзя сказать, что фирма «Мелодия» выпускает все то, что хотели бы иметь любители музыки. Однако в случае, о котором пишет Виктор Архипов, речь идет не об идеале, то есть не об отсутствии в ассортименте магазина каких-то редких новинок, а о явном игнорировании такого товара, как грампластинки.

В своем интервью корреспонденту нашего журнала (КХС, № 20 за 1978 г.) генеральный директор Всесоюзной фирмы грампластинок П. И. Шабанов говорил о недостатках торговых организаций, об упущениях, из-за которых новинки не

доходят до потребителя. С тех пор прошло достаточно времени, но вот новое свидетельство (одно из многих) справедливости критики в адрес торговли. Только от добросовестности, инициативы и определенного уровня культуры дирекции магазина «Платан» зависит, будет ли Дом культуры «Юность» иметь свои столь необходимые для ведения клубной работы грампластинки. Зависит это и от активности тех, кто приходит в этот магазин за пластинками. Мы надеемся, что скоро дело поправится. А пока сообщаем адрес организации, которая располагает значительным наличием полезных и даже необходимых для клубов грампластинок: г. Апрелевка Московской области, ул. Ленина, 4, Апрелевская база Посьлторга. Индекс 143360. Продажа пластинок почтой, наложенным платежом.

Прежде чем писать в адрес этой организации, настоятельно советуем заинтересованным лицам ознакомиться с публикацией в КХС № 23 («Операция «Грампластинка в клубе», беседа с зам. управляющего Апрелевской базы Посьлторга). Из этой статьи вы узнаете, чем располагает база и как правильно оформить заказ.

Правда, мы не можем гарантировать качество выслаемых пластинок. Но надеемся, что наша реклама Апрелевской базы повысит меру ответственности работников Апрелевского ордена Ленина завода грампластинок перед заказчиками.

Занятие третье.
Звукосниматель

Ю. КОЗЮРЕНКО,
инженер

Современная грампластинка имеет весьма высокие качественные показатели: диапазон рабочих частот — от 30 до 16 000 Гц. при неравномерности амплитудно-частотной характеристики не более 0,04% и коэффициенте детонации и гармоничности менее 1%. Однако, чтобы реализовать эти «образцовые» параметры, нужен электропроигрыватель, имеющий звукосниматель соответствующих достоинств.

Звукосниматель электропроигрывательного устройства состоит

Перед началом концерта менеджер группы в сопровождении нескольких охранников обходит зал, тщательно присматриваясь к публике. Вот он что-то заметил, шепнул своим помощникам, через несколько секунд они выволакивают из толпы парня, которого тут же уводят из зала... Что же произошло?

А вот что: менеджер увидел в руках этого человека микрофон! То есть, ансамблю грозила опасность — его выступление собирались записать.

Вполне возможно, что запись пытался произвести простой любитель, стремившийся пополнить свою коллекцию. Но не исключено, что это был зву-

кооператор подпольной студии грампластинок. Впрочем, первое не мешает второму — нелегальная запись может быть приобретена «пиратской» фирмой и у любителя.

Западная пресса констатирует: подпольный диско-бизнес процветает. Выходят нелегальные издания опер, симфоний, знаменитых певцов, пианистов, дирижеров — Г. Караяна, Э. Шварцкопф, М. Поллини... Но, разумеется, особенно велики прибыли в сфере выпуска «пиратских» эстрадных дисков.

Впервые такие пластинки появились в США в середине 50-х годов, но крупных масштабов тайная торговля грампластинками (по-английски — «бутлег») приобрела лишь в 60-е и 70-е годы. Из-под полы продаются пластинки тех же самых авторов и исполнителей, легальные издания которых можно приобрести в магазине. Чем же вызван расцвет подпольного производства? Безусловно, пластинки покупаются потому, что данный музыкант в настоящий момент популярен (это даже стало своеобразным мериллом успеха). Однако не в этом главное. В основном, интерес к бутлег-дискам вызван оперативностью их выпуска: уже через несколько дней после концерта любители могут купить его запись на «черном рынке».

Другой важный фактор: многие «пиратские» диски содержат редкие записи. Такие грампластинки вызывают большой интерес у коллекционеров. И по цене подпольный диск дешевле магазинного: ведь не надо платить гонораров авторам и исполнителям.

Несмотря на почти открытую продажу нелегальных пластинок, место их производства, имена владельцев фирм и другие сведения остаются неизвестными — на конверте обозначены только имена исполнительницы и названия песен.

Оформлению пакетов уделяется мало внимания: по сравнению с роскошными фирменными конвертами они не очень радуют взор — все равно бутлег покупается. Покупается, несмотря на то, что и качество записи не гарантировано: многие пластинки записаны с высоким уровнем шума, свистом, в узком диапазоне частот, хотя, конечно, встречаются и высококачественные записи (в одном интервью Джон Леннон, сам большой коллекционер бутлеггов, похвалил, например, качество записи подпольного диска «Битлс» в Швеции).

Сколько же всего вышло «пиратских» пластинок? На первом месте здесь «Битлс» — 41 пластинка, вышедшая в США, ФРГ, Италии, Франции, Японии, Канаде, и в самой Англии. Материалом для них послужили записи различных концертных выступлений ансамбля и студийные записи, по тем или иным причинам не вошедшие в легальную дискографию. На втором месте — Боб Дилан. Его голос, гитару и губную гармошку можно услышать на 18 подпольных дисках. Самым лучшим из них считается «Концерт в «Ройял-Алберт Холле», записанный в 1966 году. А диск Боба Дилана «Великое Белое Чудо» держит абсолютный рекорд среди подпольных бутле-

гов по тиражу — 350 тысяч экземпляров! На третьем месте — ансамбль «Пинк Флойд»: двенадцать подпольных дисков. Двадцать других исполнительниц, подвергшихся бутлегированию, — ансамбли «Лед Зеппелин», «Роллинг Стоунз», «Дип перпл», «Сантана», певцы Пол Маккартни, Элтон Джон, Дженис Джоплин и многие другие.

Ясно, что подпольные издания не вызывают восторга ни у исполнителей, ни у фирм звукозаписи. Последний подпольный бизнес наносит громадный материальный ущерб, «перехватывая» покупателей. Но таких уж поистине волчий закон капиталистического производства: наживаться где можно и каким угодно способом. Гигантские концерны делают это легально. Почему бы мелким сошкам не попытаться урвать свой кусок, обходя закон?...

Вот почему менеджеры бдительно следят за всеми подзорными любителями магнитофонной записи: на концерте ансамбля «Лед Зеппелин» в Лондоне в 1971 г. было изъято 37 магнитофонов. На другом концерте певица Мэгги Бэлл прекратила петь и, спустившись в зал, потребовала у одного из записывающих ее концерт слушателей ленту с записью, и только после вмешательства полиции, отобравшей ленту, продолжила концерт.

В 1977 г. в борьбу с «пиратами» вступил «Интерпол». Но никакой уверенности в том, что бутлег будет побежден, конечно нет.

хватывает многоголосая колонна с шаррами, куклами, плюшевыми медведями и надувными крокодилами.

Печата шаг, равняются на командующего парадом морячки в гюйсах, сияют ослепительными касками из миниатюрной пожарной машины юные пожарные, смешно шевелит бумажными ушами Чебурашка, возглавляющий группу первокурсников.

Резервный ясельный возраст с нескрываемой завистью, дружно открыв рот, безмолвно «болеет» за старших сестренок и братишек и не замечает, как каплет на зеленую траву школьного стадиона вконец растаявшее мороженое. Мамы, папы, бабушки, прикрываясь от солнца пестрыми зонтиками и наскоро свернутыми газетными треуголками, ревниво наблюдают с трибун за «своими».

— Равняйся! Смирно! Товарищ командующий парадом! Отряды клуба «Калейдоскоп» 7-го микрорайона Красногвардейского района Москвы для проведения ежегодного праздника построены. Рапорт сдал командир домовых отрядов Зенкович Андрей.

— Рапорт приняла педагог-организатор ЖЭКа № 18 Галина Николаевна Горбова, — она сделала паузу и торжественно объявила. — Пятый праздник нашего двора, посвященный Международному году ребенка, считаю открытым!

Из сияющих мирадами солнечных бликов репродукторов грянула музыка, подхваченная сотнями детских голосов: «Пусть всегда будет солнце!..»

Тут самое время объяснить, что же это за праздник и что же это за «Калейдоскоп».

В 1975 году в ЖЭК пришла работать Галина Николаевна Горбова. Как во всякой новостройке, в Орехово-Борисове не было ни одного, как принято говорить, очага культуры. Для его юных жителей близлежащие Борисовские пруды представляли большой соблазн. Возникла тактическая задача: отвлечь ребят от

Работа в клубе ведется в трех направлениях: «Добрые и полезные дела» (сюда входят группы охраны порядка и юных пожарных, пионерская «скорая помощь»), «В мире животных» (юнатский клуб «Усатых-полосатых»), «Здоровье и хорошее настроение» (разноцветные дворовые команды, самодеятельность, группа организаторов интересных встреч, поэтическое объединение «Апрель» и так далее...). Итог годовой работы подводится на театрализованном параде-представлении «Праздник нашего двора». Точное количество клубов, секций и групп по интересам Горбова сейчас даже не может назвать. Одни исчезают, другие появляются, потому что меняются дети, интересы их неустойчивы, многогранны, им хочется заниматься то тем, то другим, то всем сразу. Одним словом, калейдоскоп желаний. Пожалуйста, Горбова разрешает записаться хоть во все клубы сразу. Или создать свой новый, хотя бы и состоящий из трех друзей-товарищей. «Наша задача, — считает она, — предоставить возможность для развития любого общественно полезного интереса. Станет ли выбранный интерес ведущим, определит ли судьбу ребенка — дело второе.

Главное предоставить ему широкий «ассортимент» досуга. Иначе нерезализованный интерес все равно прорвется, но уже не в той форме, как нам хотелось бы. Я не хочу сказать, что в нашем микрорайоне нет хулиганов, но им противостоит наша «мощная армия».

Вот она, эта «армия» — рассыпалась по стадиону с надувными мячами. Яркие бумажные флажки на натянутых проволоках с треском затрелетали — зааплодировали показательным выступлениям.

Физкультурников сменяют «дикие» туристы. Они разыгрывают сценку: разжигают костер, разбрасывают консервные банки и мусор. Но вот на них надвигается «зеленый патруль» — те в панике убегают, выезжает заливающаяся сиреной алая машина и «брандмейстеры» в

считанные секунды усмиряют пламя струями из огнетушителей.

Выписывают показательные кренделя велосипедисты, танцует вальс и летку-енку местная Мальвина — Наташа Чернышова в обнимку с белым пуделем, отплясывают юннаты с котятами, зайцем и морской свинкой.

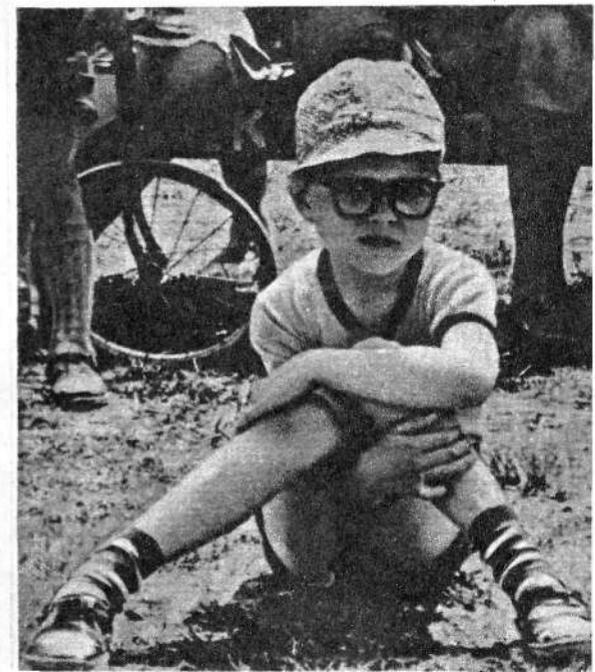
Девочка с черепахой в руках шмыгает носом — опоздала к танцу. А все черепаха, и чего они такие медлительные... Но вот слезы высыхают, юннатка с превеликой важностью объясняет заинтересовавшимся живым уголкем в конце стадиона, что черепаху зовут Гретта, она сухопутная, ест морковь, капусту, молоко, яблоки, очень любит одуванчики.

Гости разглядывают братцев-кроликов, розовых снегирей, фыркающих ежей, ветеранку клуба сову Софу, которая ради праздника пожертвовала режимом: не мигая наблюдает за выступлениями и топорщит перья от неопишуемых звуков, которыми вдруг наполняется стадион.

Стрекочут погремушки, стиральные доски, стучат ручки от скакалок, звенят ложки в стаканах и шпаги с колокольчиками на остриях. Десятилетний гармонист в кепке с цветком Андрюша Конкин пускается вприсядку: «Ах вы сени, мои сени!» Стадион скачет, прыгает, хохочет — радуется популярному шумовому ансамблю «Звонари».

И, наконец, апофеоз праздника — танец нашего двора — нечто среднее между «ладушками», «классиками», «салочками» и хороводом. Танцуют все. Притоптывают даже бабушки. Праздник кончается... Впрочем, что это?

К микрофону прорывается юноша и говорит то, от чего замирает стадион. Нескладно, путаясь в словах, Алексей Бурнаев рассказывает, что он только что специально приехал в Москву, что пять лет назад он играл в первом составе «Звонарей» — сначала стучал по перевернутой мусорной корзинке, потом ЖЭК купил им инструменты, потом он ушел в армию и играл там в ансамбле, а сейчас стал профессиональным музыкантом и все это потому... и все это благодаря... Он окончательно ступешивается и вручает Горбовой цветы и огромного бархатного медведя. Галина Николаевна прижимает к себе голубого медведя и растерянно и счастливо улыбается.

Клуб

**И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Общественно-политический
и научно-методический
журнал ВЦСПС и Министерства
культуры СССР

15 АВГУСТ
1979
(525)

Год издания
двадцать девятый
Выходит два раза в месяц

Главный редактор
Л. Я. Алексеева
Редакционная коллегия:
К. И. Аксанов,
ответственный секретарь,
А. П. Беляков,
Н. В. Вайнонен,
Н. И. Дежинов,
А. И. Касков,
А. Т. Ляшенко,
Е. В. Олишев,
зам. главного редактора,
Р. А. Папилов,
О. Я. Ремез,
В. С. Сергутин,
В. М. Стриганов,
В. В. Сухорадо,
А. В. Тихонов,
Р. В. Уваров.

Номер вела заместитель
ответственного секретаря
С. В. Антонова.

Главный художник
А. Б. Буркатовский.

Художник номера
Л. П. Аверкина.

Художественный редактор
С. И. Деулин.

Технический редактор
Л. М. Литвиненко.

Фото: А. Кучеренко,
Ю. Рыбчинского

Первая страница обложки:
художник:
Е. Широкова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЦСПС
ПРОФИЗДАТ

Вкладные пластинки
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия».

Адрес редакции:
101000, Москва, Центр,
ул. Кирова, 13.

Телефон: 223-29-63.

Сдано в набор 20.06.79. Подписано к
печати 17.07.79. А-13412. Бумага 60X
X90¹/₈. Печать глубокая, гарнитура
журналиная рубленая. Усл. п. л. 5.
Уч.-изд. л. 7,01. Тираж 155 000 экз.
Зак. 4245. Ордена Трудового Красного
Знамени Ленинградская типография
№ 3 имени Ивана Федорова Союзполи-
графпрома при Государственном ко-
митете СССР по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли,
191126, Ленинград, Звенигородская
ул., 11.

© «Клуб и художественная
самодеятельность» · 1979

В НОМЕРЕ ЧИТАЙТЕ И СЛУШАЙТЕ

**На вкладных пластинках
номера**

Праздник Урожая 1

Актуальная тема

Гласность действий 2

Ю. Баранов,
заведующий отделом
пропаганды и агитации
Саратовского обкома КПСС

**Разбор практики:
опыт, проблемы, суждения**

Приметы дома твоего 5

Т. Джураев,
директор Дворца культуры
им. Ю. А. Гагарина Ташкентского
текстильного комбината

Далекое — близкое

**«По-ударнически смотреть
всюду...»** 7

Е. Мариничева,
журналистка

Проблема крупным планом

**Метод ищет
единомышленников** 10

Н. Головкова,
наш спец. корр.

Бесприютные энтузиасты 13

В. Готов,
наш спец. корр.

**Досуги, которые мы
выбираем**

Семья и кино 20

С. Антонова,
журналистка

**Встреча по просьбе
читателей**

Неожиданный ракурс 22

Е. Максимова,
солистка Государственного
академического
Большого театра СССР,
народная артистка СССР

**На вкладных пластинках
номера**

Эта звенящая тишина...

Творить в радости 25

**Рейд по сельским
учреждениям культуры** 28

Мир грамзаписи 28

Праздник нашего двора 32

Н. Гнатюк,
наш спец. корр.

